

#1 NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

ПРОДАНО БОЛЕЕ 100 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

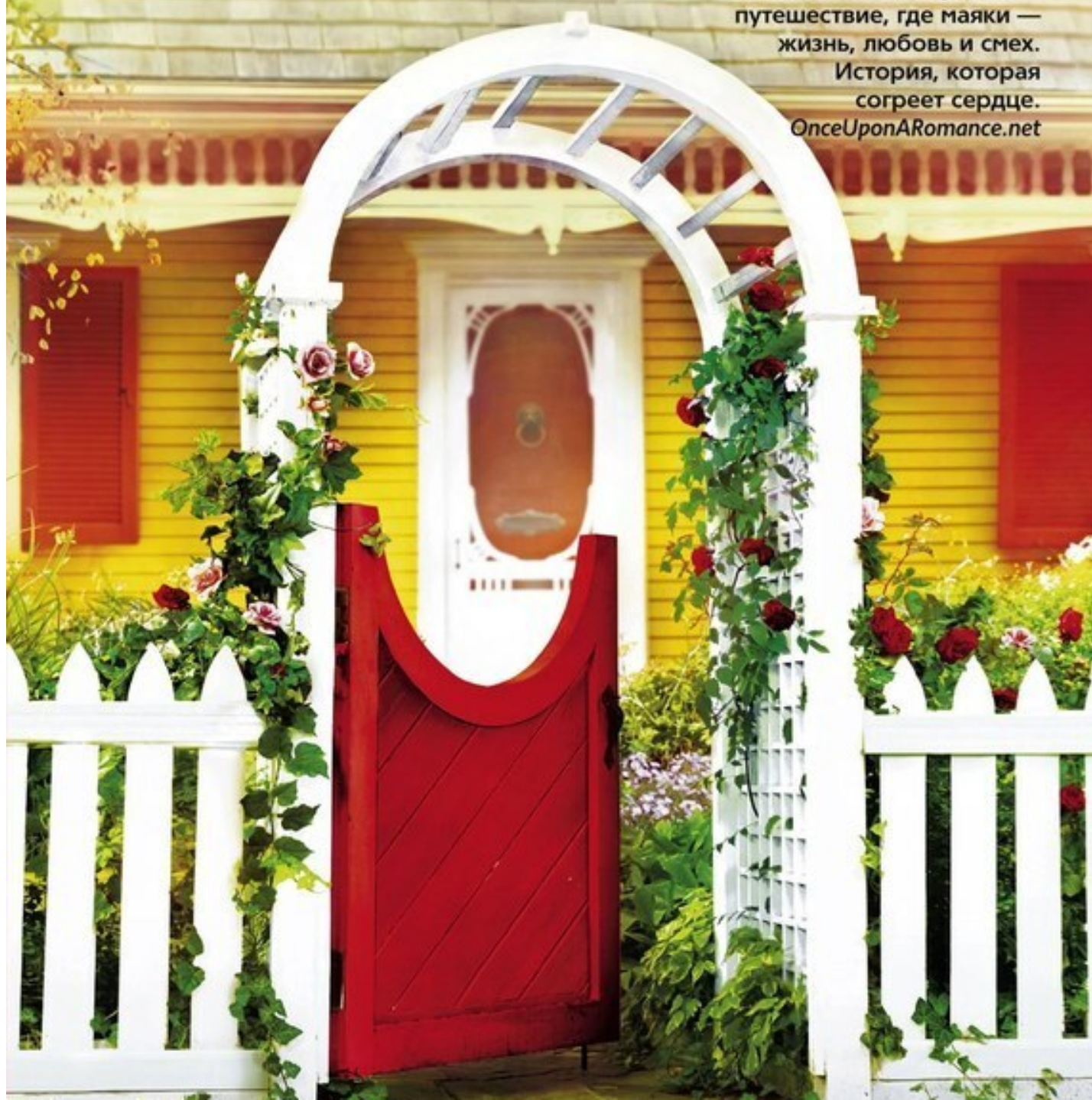
ДЕББИ МАКОМБЕР



HARLEQUIN®

Список Ханны

Уникальное
повествование
о любви и втором
шансе. Сердечное
путешествие, где маяки —
жизнь, любовь и смех.
История, которая
согреет сердце.
OnceUponARomance.net



Дебби Макомбер
Список Ханны

«Центрполиграф»

2010

Макомбер Д.

Список Ханны / Д. Макомбер — «Центрполиграф», 2010

В годовщину смерти жены Ханны доктору Майклу Эверетту передали ее предсмертное письмо. В послании она напомнила Майклу о своей искренней любви к нему и попросила выполнить ее последнее желание. Невыполнимое, казалось бы, желание. Ханна хотела, чтобы Майкл снова женился. И даже привела список возможных невест. Первые две женщины были хорошо знакомы Майклу: кузина Ханны Уинтер Адамс, владелица небольшого кафе в Сиэтле, и Линн Ланкастер, медсестра, которая ухаживала за Ханной в клинике. Имя третьей кандидатки Майкл видел впервые – Мэйси Роз. Встречаясь поочередно с каждой из этих женщин, обладающих богатым душевным опытом, Майкл все больше узнавал и о себе самом. Так к нему пришло понимание, что только безграничная любовь способна снова наполнить его жизнь смыслом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дебби Макомбер

Список Ханны

*Посвящается Мэгги Пил Эверетт,
с благодарностью за замечательную идею*

Глава 1

Я не сентиментальный малый, и мне нередко случалось забывать о Дне матери, а однажды, когда мы с Ханной еще встречались, не заметил приближения Дня святого Валентина. К счастью, жена не принимала близко к сердцу мои провалы памяти, не подвергая сомнению в связи с этим искренность моих чувств. Что касается праздников и дней рождений – тут я вообще пустое место. Наверное, я бы и Рождества не заметил, если бы не поднималась вся эта предпраздничная кутерьма вокруг него. Не потому, что я такой эгоцентричный... Хотя... Может быть, в какой-то степени так оно и есть, но разве не все мы таковы?

Я считаю, что уделять много внимания людям в связи с их днями рождения или традиционными праздниками просто нелепо. Если вы любите кого-то, нужно проявлять свою любовь друг к другу каждый день. Зачем ждать определенной даты, чтобы подарить жене цветы? Поступки говорят лучше слов, особенно если это проявления любви. Просто потому, что вам хочется порадовать любимого человека.

Этому меня научила Ханна. *Ханна*. Сегодня, восьмого мая, исполнился ровно год с того дня. Ровно год, как я потерял ее, мою прекрасную тридцатишестилетнюю жену. Даже сейчас, спустя год после ее смерти, при мысли об этом у меня болит сердце.

Целый год. Триста шестьдесят пять одиноких дней и пустых ночей. Помню, как через несколько дней после ее смерти я стоял над свежей могилой, глядя, как гроб опускают в землю, потом бросил горсть земли на глянцевую крышку, и этот глухой стук навсегда остался в моей памяти.

Не проходило и часа, чтобы я не вспомнил Ханну. Это сейчас, а в первые месяцы после похорон я и минуты не мог прожить без воспоминаний о ней. Все вокруг кричало, напоминало мне о Ханне.

Сказать, что я любил ее, было бы слишком просто и не отразило бы всей глубины моего чувства. Только с ней я испытывал полноту восприятия мира, а после ее смерти все краски и звуки стерлись, стали бесцветны, тусклы. Тысячу других таких же определений можно было подобрать, но и они не смогли бы описать ту пустоту, которая охватила меня после ухода жены.

Я без конца вел с ней односторонний нескончаемый разговор с того самого момента, когда она подарила мне прощальную улыбку, перед тем как вручить свою душу Господу Богу.

И вот теперь, год спустя, находясь на стадионе на бейсбольном матче с участием «Сиэтл маринерс», я притворяюсь, что слежу за игрой, хотя все мои мысли только с ней – с моей ушедшей ровно год назад дорогой женой.

Я сидел в ложе с братом Ханны и моим лучшим другом Ричи. Это он пригласил меня на игру, хотя конечно же не причислял меня к бейсбольным фанатам и прекрасно знал, какая сегодня дата.

Внешне я могу казаться человеком не сентиментальным, но разве смогу забыть тот день? Поскольку я врач, педиатр, мне приходилось видеть смерть и быть ее свидетелем, но каждый раз, поверьте, это было нелегко. Особенно тяжело, когда речь идет о детях. Даже если конец приходит безболезненно и тихо, как это было в случае с Ханной.

Подростком я увлекался спортом. Играл осенью в футбол, зимой в баскетбол, а летом работал спасателем. Дух соревнования является неотъемлемой частью моего «я». Не люблю проигрывать, но смерть – мой главный противник – играет нечестно, не по правилам. Она забрала у меня мою любимую жену слишком рано. Ханна была самой жизнерадостной, энергичной, любящей из всех женщин, которых я знал когда-либо. С тех пор я потерял смысл жизни.

Хотя я сражался со смертью, моим врагом, с первого дня, как стал врачом (поэтому я и стал врачом, чтобы с ней сражаться), я не до конца понимал ее глубинный смысл. Но мне случилось однажды понять, что смерть может быть другом, оставаясь при этом врагом. И именно Ханна, которая любила меня с такой силой и знала меня так хорошо, показала мне, что так бывает.

В течение прошедшего года, переживая все заново, я испытывал огромное сожаление, что невольно доставлял ей лишние страдания, пытаюсь отрицать факт, что она умирает. Отказываясь смириться, цеплялся за проблески надежды. Ханна готова была покинуть меня, а я не отпускал ее, был эгоистом, потому что не представлял жизни без нее.

Даже когда она впала в беспамятство, я сидел днем и ночью около ее постели, надеясь на чудо. Глупо с моей стороны, ведь, как медик, я знал горькую правду. Теперь понимаю, что мое упрямство, мое упорство не давали ей уйти, дух не мог покинуть тело, я удерживал его. Привязывая к земле, не давая отправиться к Богу.

Когда я осознал тщетность своих усилий и надежд, когда увидел, как страдают ее родители и брат, только тогда ясно пришло сознание, что должен отпустить ее... Я встал и покинул больничную палату. Надо было взять себя в руки. Я не спал и не ел несколько дней, не брился, зарос и выглядел трагично и жалко. Вернулся в наш дом, принял душ, заставил себя выпить чашку бульона и проспал три часа. Когда я вернулся в клинику, около постели Ханны собралась вся семья. Ханна была в беспамятстве, пульс почти не прослушивался, было ясно, что жить ей осталось всего несколько минут. И вдруг, перед тем как уйти в мир иной, она открыла глаза. Посмотрела прямо на меня и улыбнулась. Я взял ее руку, поднес к губам, глаза ее вновь закрылись, и она... Она покинула нас...

Ее последняя улыбка останется со мной навсегда. Каждую ночь, едва моя голова коснется подушки, я вижу перед собой последнюю улыбку Ханны.

– Эй, Майкл, хочешь пива? – услышал я.

Ричи никогда не звал меня *Майком*, впрочем, как и все остальные. Даже ребенком я никогда не был Майком.

– Давай. – Я не следил за игрой. Просто машинально вскакивал с места, когда вскакивали все, и орал что-то вместе с ними. Понятия не имел, какой счет и кто ведет. Я долгое время был безразличен ко всему, кроме своей работы. Она была моим спасением.

– Пообедаем вместе после игры? – Ричи протянул мне бутылку холодного пива.

Я колебался. Меня ждали пустой дом и воспоминания о Ханне.

– Конечно.

Есть не хотелось. Я давно потерял аппетит, еду воспринимал как необходимость.

– Отлично. – Ричи сделал большой глоток пива и вновь повернулся к игровому полю.

Я пришел сюда, хотя совсем не интересовался игрой, и это было нечестно по отношению к Ричи, ведь он заплатил большие деньги за места в этой ложе и мог взять кого-нибудь другого, кто составил бы ему полноценную компанию. Но именно в этот день я не хотел оставаться один. Остальные дни в году я был абсолютно удовлетворен собственным обществом. Но не сегодня.

Игра, вероятно, закончилась; очнувшись, я увидел, что народ покидает места на стадионе.

Я сделал над собой усилие:

– Прекрасная игра.

– Мы проиграли, – пробормотал Ричи.

А я даже не заметил.

Ричи ободряюще хлопнул меня по спине, давая этим понять, что мое состояние ему известно, и мы пошли к выходу. Спустя полчаса мы сидели в уютном баре, расположенном поблизости от стадиона. Я уставился в меню, надеясь воображением предстоящей еды вызвать аппетит. За последний год я потерял почти двадцать фунтов. Понимая, что пища необходима для поддержания жизнедеятельности, я уделял ей минимум внимания, ел в основном на ходу, не задумываясь, просто набивая желудок, перекусывая чем придется. Цель насыщения бывала достигнута, но удовольствия при этом я не испытывал совсем.

Ханна обладала талантом кулинара, как и ее кухня, Уинтер Адамс, владелица ресторана «Французское кафе» на Блоссом-стрит. Любила экспериментировать, пробуя различные рецепты приготовления, и гордилась результатами. О званых ужинах Ханны ходили легенды среди друзей. Как хозяйка она была всегда естественна, очаровательна и любезна.

– Так что думаешь?

Голос Ричи заставил меня вздрогнуть. Я понял, что он спрашивает о моем выборе меню.

– Лосось на гриле, – ответил я.

– Я, пожалуй, возьму стейк.

У меня стейки всегда ассоциировались с особыми случаями, но сегодня был не тот день, чтобы праздновать. Задолго до того, как я понял, что Ханна проиграла битву с раком, она сказала, что не хочет, чтобы после ее ухода я долго предавался скорби. Она хотела, чтобы ее поминки были так же веселы, как ее званые вечера. Но тогда я просто слышать не хотел о ее смерти. К тому времени она подчинилась неизбежному, а я еще сопротивлялся. У меня не хватило храбрости признать поражение.

Официантка взяла заказ. Принесла пиво и удалилась. Я крутил в пальцах бутылочку с янтарным пивом и хмуро смотрел в стол. Сегодня я плохая компания для Ричи.

– Сегодня ровно год, – тихо произнес он.

Я кивнул, подтверждая, что слышал. Но не стал развивать тему.

Я скучаю по ней, – продолжал он.

И опять я кивнул. Хотя воспоминания вызывали боль, тем не менее меня распирало страстное желание говорить о ней без конца. Удержать ее, если не физически, то эмоционально, памятью.

– Трудно поверить, что прошло двенадцать месяцев. – Я и не пытался скрыть печаль в своем голосе.

– Как ты сейчас?

Я пожал плечами. Плохо. Мне плохо, и я просто схожу с ума. Все еще не могу смириться, что это случилось именно с Ханной, такой милой, такой замечательной. Судьба оказалась жестока к ней. И ко мне.

Мы поженились с Ханной, когда я окончил медицинскую школу. Посчитали, что мой интерн при больнице дает возможность нам создать семью уже сейчас. Ханна работала в одном из департаментов регионального отделения сетевых магазинов, делая закупки, и работа ей нравилась. Когда я возвращался домой, вымотанный, выжатый как лимон, она могла меня развлечь рассказами о людях, которых встречала на работе, о забавных происшествиях. Имена я быстро забывал, но человеческие слабости или смешные стороны продолжали жить в памяти. Каждый случай обрастал милыми подробностями и был вполне законченной историей, талантливо исполненной, с добрым юмором. Стоит закрыть глаза, и я могу ясно услышать ее смех. У меня вызывают улыбку воспоминания о первых днях нашей жизни, о тех трудностях, которые мы преодолевали, о тех радостях и счастье, и память об этом поддерживала меня на всем протяжении года без Ханны. В тот день, когда я закончил работу интерна и начал самостоятельную практику в Сиэтле, Ханна выбросила свои противозачаточные таблетки. Мы без конца гово-

рили о детях, о семье, мы оба любили детей. Она хотела троих, я бы удовлетворился двумя. Ханна решила, что лучше нечетное число, и мы решили – троих.

Но она так и не забеременела. Постепенно ею овладевало беспокойство, и я почувствовал, как напряжение перерастает в стресс. После восемнадцати месяцев попыток она решила обратиться к доктору, консультанту по бесплодию, и тут выяснилась причина. Спустя неделю после обращения в клинику Ханне поставили диагноз: четвертая степень рака яичников. К тому времени, когда это обнаружилось, спасти ее уже было невозможно.

Меня не покидало чувство, что я должен был знать, предполагать – что-то не так с Ханной, ведь я врач. Я винил теперь себя за то, что раньше не отправил ее на диагностику. Мне бы обратить внимание на признаки, детали, тогда я, возможно, и догадался бы о причинах ее бесплодия. Но я слишком был занят своей работой, моя голова была забита другими делами. Друзья спорили со мной, например Патрик О’Мэлли, тоже педиатр и мой коллега. Они напоминали мне, как и сама Ханна, что симптомы этого вида не проявляются до самого конца, пока не становится слишком поздно. Я знал об этом тоже, но, виня себя, наказывая себя, испытывал облегчение.

– Помнишь, вы ужинали у нас дома последний раз? Стеф и я принимали вас в тот последний наш вечер, тебя и Ханну? – Голос Ричи опять вывел меня из задумчивости.

Я кивнул. В ту пятницу мы последний раз были в гостях парой. Как раз в тот день мы получили новости, потрясшие нас. Последние тесты показали, что химия мало что изменила и не замедлила процесс болезни.

Расстроенный и подавленный, я хотел отменить ужин у Ричи, но Ханна настояла. Она вошла в их дом с улыбкой, *как будто ничего не произошло*. Зато я был как комок нервов и с трудом дождался конца. Ханна вела себя как ни в чем не бывало, и если бы я не был в курсе, то никогда бы не догадался.

– Конечно, я помню.

– Так вот, она попросила меня кое-что сделать для нее в тот вечер, – продолжал Ричи.

– Ханна просила тебя? – Пораженный его словами, я поднял голову от своего пива.

Теперь Ричи отвел глаза.

– Пока ты играл в видеоигры с Максом, Ханна поговорила со мной наедине.

Я подвинулся ближе к столу. Громкий звук, рвущийся из телевизора в баре, стал глуше, отдаленнее, каждый мускул в моем теле напрягся, как будто я знал, что скажет Ричи.

– Она сказала мне, что доктора сообщили плохие новости.

Я тупо уставился на пустой стул в другом конце бара.

– В тот вечер я хотел отменить ужин с вами, но Ханна настояла.

– У нее была веская причина, чтобы прийти к нам. Она спокойно объяснила, что надежды больше нет и она скоро умрет.

Я с трудом вынес его слова.

Он тяжело вздохнул:

– Она не боялась смерти, поверь.

– Наверное, потому, что рай и существует для таких, как моя Ханна.

Ричи кивнул, соглашаясь.

– Она смирилась с судьбой задолго до этого. Но Ханна не была фаталисткой, она любила жизнь и хотела жить.

Было время, когда я сомневался в этом.

– Но я умолял ее поехать в Европу, где экспериментируют и добились хороших результатов. Она отказалась.

– Было слишком поздно, – пальцы Ричи стиснули бутылочное горлышко, – но мы этого еще не знали. А она знала.

Да, похоже на Ханну. Не только умница, но и практична во всем. Пока она принимала зло как неизбежное, я цеплялся за каждую соломинку. Я проводил часы, листая последние медицинские журналы, названивая специалистам, ведя поиски онлайн. Но мои сумасшедшие метания и попытки ни к чему не привели. А Ханна достигла черты, от которой нет возврата. Она умерла два месяца спустя.

До сих пор пугает скорость, с которой она угасла. Я тогда еще сердился на нее. Единственный раз за все время нашего брака. Потому что хотел, чтобы она боролась. Я орал. Бесновался и в кровь разбил кулаки о стену.

Ханна осторожно взяла мои окровавленные руки в свои и нежно поцеловала каждый разбитый палец. Но никакая нежность не способна унять ту боль, которую я ощущал от предстоящей утраты.

Официантка принесла еду, но я не мог проглотить ни кусочка, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Ричи, вероятно, чувствовал то же самое, потому что в течение нескольких минут не притрагивался к своему стейку.

– Ханна просила передать тебе это, – наконец произнес мой шурин, вынимая из кармана конверт.

– Письмо?

– Она просила подождать, пока не пройдет год. Только тогда, и никак не раньше, я должен был отдать тебе его. Последняя просьба моей сестры.

Я уставился на него, отказываясь верить в то, что услышал. Мы ходили с ним по утрам в гимнастический зал три раза в неделю весь прошедший год, и все эти месяцы он не упомянул о письме сестры!

– В тот вечер я обещал Ханне, что передам тебе письмо через год. Положил в наш сейф и ждал.

Растерянно я взял у него конверт.

Вскоре мы покинули бар. Я не помнил, как доехал до дома. Казалось, я только что был на паркинге в Сиэтле и вот уже сижу в машине перед своим домом.

Войдя в дом, я бросил ключи на кухонную стойку, прошел в гостиную, присел на краешек софы, глядя на конверт. На нем было написано одно слово. *Майклу*. Я смотрел на свое имя, и сердце сжималось. Казалось, ее любовь, вибрируя, струилась ко мне от этого конверта.

Дрожащей рукой я вскрыл его.

Глава 2

Не знаю, сколько времени я смотрел на письмо, прежде чем набрался храбрости прочитать его. Оно состояло из четырех листов.

Первое, что я заметил, – дата: март, 13-е. Еще одна дата, навсегда выжженная в моей памяти. Это была пятница. День нашей встречи с врачами, когда подтвердился страшный прогноз и мы узнали ужасную новость.

Ханна написала письмо в тот самый день? Но это невозможно. Я был с ней каждую минуту после нашей встречи с врачами вплоть до ужина с Ричи и Стеф... Выходит...

Я откинулся на диванную подушку и закрыл глаза. Выходит, Ханна написала письмо еще перед консилиумом. Она уже знала. Она знала это всегда. Да и я тоже. Но я не имел мужества принять это. Отказывался поверить в очевидные факты.

Я начал читать письмо. Оно было написано от руки таким знакомым элегантным, летящим почерком, при виде которого я почувствовал, как будто меня ударили в солнечное сплетение.

«Мой дорогой Майкл, знаю, ты испытаешь потрясение при виде этого письма, и прости меня за это. Прошел год, и, конечно, это был трудный год для тебя, для родителей и для Ричи. Все бы отдала, чтобы уменьшить вашу боль».

Даже у последней черты она думала не о себе. Она думала обо мне, о родителях, о брате и о том, как нам будет тяжело без нее и как мы любим ее.

«За последние недели я много думала, какие слова хотела бы сказать тебе на прощание и какими они должны быть. Наберись терпения, мне многое надо тебе сказать.

Знаю, некоторые люди смеются и не верят в любовь с первого взгляда. Мне было всего восемнадцать, когда мы встретились. Но, несмотря на юный возраст, я в тот же момент поняла, что ты тот мужчина, которого я буду любить всю жизнь. Так оно и случилось. Я буду любить тебя до самой смерти и после нее. И я знаю, мое сердце подсказывает, что ты тоже любишь меня. Я благодарна тебе за эту любовь. За твою преданность и за то, что ты прошел со мной все мучения после того, как мне поставили диагноз. Это было величайшим подарком в жизни. Ты сделал меня такой счастливой, Майкл».

Я снова закрыл глаза, набираясь сил продолжать. Я предполагал, что чтение будет нелегким, но не знал, что будет *так* тяжело. Сделал глубокий вдох и вернулся к письму.

«Первые годы брака стали счастливейшим временем в моей жизни. У нас ничего не было, но нам нужно было лишь общество друг друга. Я так сильно любила тебя и гордилась... горжусь тобой. Ты стал прекрасным педиатром, любящим свое дело. Ты был рожден, чтобы стать врачом, Майкл. А я – чтобы любить тебя. И благодарю тебя за ответную любовь, за то, что отдавал мне всего себя, особенно в последние месяцы. Ты сделал их лучшими в моей жизни.

Я не хочу умирать, Майкл. Я боролась, поверь, честно. Я делала все, что могла. Я знаю, каким счастьем было бы состариться вместе. И мне жаль, что для меня конец наступил так скоро.

Никогда не верь тому, что я сдалась, с самого начала я хотела бороться с болезнью и победить ее. Только в последние недели стало ясно, что болезнь сильнее меня, и незачем притворяться, что это не так».

Я опять прервал чтение, вспоминая о том, как настойчиво пытался уговорить Ханну поехать в Европу, попробовать экспериментальные методы лечения. Было слишком поздно. Собравшись с духом, я продолжил чтение письма.

«Я попросила Ричи отдать тебе письмо спустя год после моей смерти. Зная тебя, думаю, что ты похоронил себя на работе. Наверняка проводишь в своем офисе по двенадцать часов в сутки, ешь на ходу, что придется. Этого нельзя делать, дорогой. Я очень надеюсь, что три раза в неделю ты продолжаешь ходить с Ричи в тренажерный зал».

Я улыбнулся. Да, Ханна хорошо меня знала. Я пытался бросить занятия спортом, как бросил по четвергам игру с друзьями в покер, но Ричи не позволил мне. Легче было уступить, чем каждый раз выдумывать отговорки.

Спустя две недели после похорон Ханны он появился у моего порога в спортивном костюме и буквально силой потащил меня в тренажерный зал. Пара ранних настойчивых звонков шурина – и я решил, что лучше ему уступить. Таким образом, наши совместные занятия возобновились.

«Следующая часть моего письма будет самой трудной и болезненной. Жаль, но должна признать, что надежды не осталось, лишь сожаление о том, что многого не успела. Главное сожаление – невозможность иметь детей. Я так хотела от тебя ребенка, Майкл, так хотела, чтобы ты стал отцом».

И опять комок в горле. Я снова вынужден был прекратить чтение. Прошептал: «Я тоже хотел ребенка», положил письмо на колени и подождал. Смогу ли я удержаться от слез? Надо продолжать. Я должен узнать, о чем хотела попросить меня Ханна в последний раз.

«У меня последняя просьба к тебе, дорогой, и, надеюсь, ты ее исполнишь».

Все, что угодно. Я сделаю все, что она хотела.

«Мне необходимо убедить тебя, мой любимый, чтобы ты снова женился».

Я задохнулся. Ну уж нет! Я уже думал об этом раньше и понял, что не смогу никогда этого сделать. У меня была любовь всей моей жизни, и она не может повториться. Женившись во второй раз, я обману свою новую жену, обещая любить ее. Буду обманывать ее и себя, потому что в моем сердце всегда будет только Ханна.

«Я так и вижу, как ты качаешь головой, настаивая, что такое невозможно. Майкл, я хорошо тебя знаю. Даже слышу твой протест. Но это очень важно. Поэтому, прошу, выслушай. Любовь к другой женщине никак не уменьшит нашу любовь. Это не означает, что ты будешь любить меня меньше. Я всегда буду частью тебя, как и ты – часть меня.

Ты должен понять, что мой жизненный путь окончен.

Но твой – нет.

У тебя впереди много лет жизни, и я не хочу, чтобы ты провел их скорбя обо мне. Не хочу, чтобы твоя жизнь была потрачена впустую. Ты сделал меня счастливой и сможешь сделать счастливой другую женщину».

Я не мог согласиться с Ханной. Никогда не смогу полюбить другую с такой же силой и глубиной. Она не понимала, о чем просит меня. У меня нет желания любить, равно как и желания делить свою жизнь с кем-то еще.

«Зная твое упрямство, я поняла, что тебе нужна помощь в этом решении, поэтому и составила короткий список женщин, которые мне кажутся подходящими кандидатурами, и прошу тебя внимательно рассмотреть и обдумать его».

Что?! Список?! Ханна предлагает список возможной замены себя? Если бы я не был так поражен, я бы расхохотался. Впрочем, любопытство возобладало, и я продолжил чтение.

«Помнишь Уинтер Адамс? Мою кузину? Она была подружкой невесты на нашей свадьбе. Уинтер великодушна и любит детей. Она будет хорошей женой. Она к тому же профессиональный кулинар и будет готовить тебе изысканные блюда. Она мне не только родственница, но и близкий друг. Пожалуйста, присмотришься к ней внимательнее».

Разумеется, я помню Уинтер. Они с Ханной были близки. Правда, мы редко с ней встречались с тех пор, как она открыла кафе на Блоссом-стрит, недалеко от моего офиса. Мы с Ханной иногда заходили к ней в кафе. Там подавали прекрасный кофе и вкусные круассаны. Помню, что Уинтер часто звонила Ханне. Припоминаю, что как раз в те дни, когда Ханне поставили страшный диагноз, Уинтер перенесла разрыв с близким человеком, и Ханна, моя великодушная Ханна утешала ее и подбадривала, несмотря ни на что...

Я помню Уинтер на похоронах, всю в слезах, согнутую горем у могилы. Больше я не встречал ее, но смутно припоминаю открытку со словами сочувствия и соболезнования, которую она прислала после.

Мне нравилась Уинтер. Вернее, я симпатизировал ей, но не более того. Я не хочу жениться второй раз. В конце концов, все, что связывает нас с Уинтер, – общие воспоминания о Ханне.

«Вторая женщина, к которой ты должен присмотреться, – Линн Ланкастер».

Имя было смутно знакомо. Но сразу я не мог вспомнить, кто это. Она не входила в число подруг Ханны.

«Линн – это моя медсестра в онкологическом отделении. Она всегда была ко мне добра, заботилась, как родная. Как медсестра, она прекрасно поймет, какой ежедневный стресс ты испытываешь на своей работе. Мы с ней часто разговаривали обо всем, и я уверена, что мы подружились бы в дальнейшем, если бы... если бы у меня был шанс. Я уважаю ее за сильный характер. Она прошла через развод, нелегкий развод, и, хотя я не так хорошо знаю ее, как Уинтер, мое сердце подсказывает, что она тебе подойдет. Зайди к ней, Майкл, познакомься поближе, это все, о чем я прошу».

Встретиться с Линн, узнать ее поближе... Сомневаюсь, что Ханна понимала, о чем просит. Я не испытывал никакого интереса к этой женщине, чтобы ее разыскивать. Для меня она – медицинская сестра онкологического отделения, в котором лежала Ханна. Я помнил ее. И Ханна права. Она действительно очень заботливая и понимающая, но это не значит, что я стану ее разыскивать, чтобы узнать получше!

«И третья женщина в списке – Мэйси Роз. Не думаю, что ты встречал ее. Она иногда подрабатывает моделью, мы с ней подружились, когда я еще могла работать. Мы встретились на моей работе, когда она участвовала в создании каталога для нашей торговой сети. Когда Мэйси узнала, что я в больнице, она прислала открытки со словами поддержки и сочувствия – одну открытку она расписала сама, прелестными рисунками своих кошек. Помнишь? И еще она связала носки и шаль, которые мне так пригодились во время химиотерапии. Она умница, смешная и очень талантлива. Мэйси обладает многогранными талантами – она модель и художница, расписывает фресками стены, читает на радио рекламу, всегда занята на двух-трех работах. Когда я обдумывала свой список, ее имя пришло мне в голову, потому что именно Мэйси

заставит тебя улыбаться. Она вернет в твою жизнь равновесие, Майкл. Боюсь, что с моим уходом ты станешь слишком серьезным. А я хочу, чтобы ты смеялся и наслаждался жизнью. Был иногда немного легкомысленным, непринужденным».

И опять Ханна права – я забыл, когда смеялся в последний раз, наверное, года два назад. По правде говоря, забыл, как смеяться от души, хохотать до колик, как делал когда-то. Жизнь слишком серьезна. У меня не было причин даже для улыбки, не говоря уже о смехе.

Я не помнил Мэйси, хотя она наверняка не раз была персонажем коротких скетчей, на которые Ханна была мастер. Подарки Мэйси – носки и открытки, наверное, лежат среди вещей, которыми Ханна пользовалась в последнее время. Я все сложил в коробку, которую задвинул в дальний конец шкафа. И ни разу не взглянул на них с тех пор.

«Я предложила тебе три имени, Майкл. Каждую из этих женщин я хорошо знаю и доверяю ей. Каждая из них будет тебе хорошей женой и другом, каждая может иметь детей, ты ведь хотел стать отцом.

Я буду надеяться и наблюдать за тобой сверху, с небес. Выбор за тобой.

Твоя любящая жена,

Ханна».

Я положил листы на кофейный столик и задумался. Письмо, безусловно, стало для меня потрясением. Предложить мне снова жениться, да еще и составить список кандидатур, – это было неожиданно и странно.

Как правило, я не пил ничего крепче пива, но сейчас требовалось кое-что посильнее. Я вспомнил, что на кухне где-то есть бутылка шотландского виски. Мой отец подарил ее, когда я получил диплом, как он сказал, «для медицинских целей». И сейчас наступил именно такой момент. Минут пятнадцать я потратил на поиски. Нашлась бутылка в буфете, за посудой, куда я заглянул в последнюю очередь. Чистый солод, именно такой сорт предпочитал отец. И его любимая марка. Мой отец не признавал виски с выдержкой менее десяти лет. Меньше – не для моего дорогого старика.

Читая этикетку, я отметил, что возраст виски был восемнадцать лет плюс бутылка пролежала у меня лет десять.

Я взял чистый стакан, плеснул в него на два пальца двадцативосьмилетней выдержки виски, бросил два кубика льда и вернулся на софу. Сбросив ботинки, положил ноги на кофейный столик и, устроившись поудобнее, снова взял письмо Ханны. Надо прочитать еще раз. Осмыслить и спокойно решить, смогу ли я выполнить последнюю просьбу жены, в чем испытывал сильное сомнение. Ханна для меня была единственной женщиной на свете. Любая окажется недостаточно хороша, даже если ее выбрала для меня сама Ханна.

Глава 3

В среду утром, в шесть, я был в тренажерном зале. Ричи уже занимался на беговой дорожке, с наушниками от айпода в ушах. Я занял тренажер рядом.

Он повернулся, увидел меня, и на его лице появилось вопросительное выражение. Скорее всего, он устроит мне допрос, как только мы окажемся в раздевалке. Я не пришел на занятия в прошлый раз и два дня не отвечал на его звонки, потому что не готов был обсуждать письмо Ханны даже со своим лучшим другом.

Ричи закончил первым. Как я и ожидал, он сидел в раздевалке на лавке, накинув на плечи полотенце, поджидая меня, и поднял голову, когда я вошел.

– Ты не отвечал на мои звонки! – заявил Ричи, как будто это нуждалось в уточнении.

– Я был занят.

– Чем именно?

Я помедлил с ответом. Впрочем, Ричи поймет.

– Напился в понедельник, когда вернулся домой, – признаваться не хотелось, но пришлось, – во вторник чуть не умер от похмелья. Придется навсегда ограничиться пивом. Крепкие напитки – не для меня. Я пошел не в отца. Тот обожал виски...

– Напился из-за письма Ханны?

Я кивнул и сел рядом на скамью.

– Ханна хочет, чтобы я снова женился.

Его глаза расширились.

– Шутишь!

– Мало того, она представила список.

Я ожидал от него именно такой реакции.

Он раскрыл рот.

– Список? Список *женицин*?

Я снова кивнул.

– Но... Почему?

Этого я пока объяснить не мог. Много раз перечитывал письмо, чтобы понять причину.

– Кажется, она считает, что один я не справлюсь. И мне нужна жена.

И *дети*. Но я не стал уточнять. Ханна хотела, чтобы я стал отцом.

– Не могу поверить! – Он был просто сражен, как и я вначале.

Я промолчал.

– И кто в списке? Я их знаю?

Я отвернулся.

– Твоя кухня, Уинтер.

– Уинтер? – переспросил он.

– Ты что, не знаешь Уинтер?! – взорвался я, уже сожалея, что рассказал ему.

– Знаю... – Вид у него был довольно глупый. – А... кто еще?

– Линн Ланкастер. Медсестра из онкологии.

– Не помню. Какая она?

Подумав, я ответил:

– Спокойная. Добрая. Хорошая медсестра. Ханна любила ее.

– Шутишь, – опять сказал он.

Я проигнорировал.

– А кто еще?

– Третью я, по-моему, никогда не встречал. Модель, с которой Ханна работала, – Мэйси

Роз.

Ричи тихо присвистнул.

– Так, так... Модель, говоришь...

– Ханна считает, что эта Мэйси научит меня снова смеяться. – Я не мог скрыть сарказма в голосе: – И это практически главная причина.

Шурин хихикнул.

– Бьюсь об заклад, в подобной ситуации моя Стеф не пожелает мне жениться на модели. Я отнесся серьезно к его иронии.

– Молись, чтобы такого не случилось.

Он нахмурился.

– Это была шутка, Майкл. Не будь таким серьезным. Улыбнись хоть раз, прошу тебя.

Он прав. Не надо принимать все трагично.

– Прости.

– Ты собираешься с ними встречаться?

– Сомневаюсь. – Я покачал головой.

– Почему нет?

Ответ был очевиден.

– Я еще не готов.

– А ты когда-нибудь будешь готов?

Хороший вопрос.

– Скорее всего, нет, – честно признался я. – Ханна была для меня не только женой. Я потерял жену и родственную душу. Как я могу забыть и сделать вид, что *жизнь продолжается*? Хотя об этом не устают повторять окружающие – и друзья, и родственники.

– Я знал, что ты скажешь это. И Ханна знала, что ты будешь бездействовать и находиться в прострации до конца своих дней. Только поэтому она решила помочь тебе найти выход. Моя сестра любила тебя и...

– Слушай, Ричи, не читай мне лекцию.

– И не собираюсь. Ответь мне на простой вопрос, и я заткнусь.

– Ладно, давай спрашивай. – Я сдался, зная, что он не отстанет от меня до тех пор, пока не выскажется.

Он некоторое время смотрел мне прямо в глаза.

– Ты думаешь, ей было так просто написать это письмо?

Я выпрямился.

Он продолжал:

– Какой женщине может понравиться представить своего мужа рядом с другой?

– Это уже два вопроса.

– Это один и тот же вопрос, – возразил Ричи.

Я закрыл глаза. Только такой бесчувственный идиот, как я, мог вообще не подумать о том, что чувствовала Ханна, когда писала письмо.

– Если перевернуть ситуацию, ты мог бы оставить своей жене список мужчин, которых подобрал для нее в качестве возможного мужа?

Я ни секунды не колебался с ответом:

– Нет.

– Я тоже, – признался Ричи. – Значит, начинай действовать, следуя ее совету. – Он внезапно усмехнулся. – Я бы начал с модели.

Очень смешно. Уже много лет, как я не просил свидания у женщины. Даже не представляю, как к этому подступить.

– Назначить ей свидание... мне?

– Свидание с тобой. Ты молод, у тебя еще много лет впереди. – Он повторил слова Ханны. – Ты уже знаком с Уинтер. Если тебе так легче, начни с нее. Позвони ей.

– И что я скажу? Боюсь, что наши разговоры будут иметь одну тему.

Мы вспомним о Ханне, оба разрыдаемся, роняя слезы в суп, и разойдемся, не дождав-
шись второго.

– Откуда я знаю, что-нибудь придумаешь.

– Но мне захочется говорить о Ханне.

Ричи не находил это ужасным.

– И ей тоже. Они всегда дружили, с детства. Ночевали друг у друга, менялись нарядами. – Он вдруг заулыбался. – Однажды, когда мы были подростками, наши семьи отправились путеше-
ствовать на машинах. Остановились на краю кемпинга, туалеты находились далеко, на про-
тивоположной стороне. И вот среди ночи я услышал, как Ханна и Уинтер шепчутся. Им при-
спичило, – глаза Ричи хитро блеснули, – но не хотелось идти в туалет через весь кемпинг, и
они решили сбегать в лесок рядом.

Я уже знал конец истории.

– Я подождал, когда они присядут, а потом осветил их фонариком.

Я усмехнулся. Ричи всегда был шутником.

– Не представляешь, как они завопили! Они перебудили пол-лагеря. Люди решили, что
в кемпинг пробрался медведь. Такой переполох они подняли.

Ханна рассказала мне эту историю, когда мы с ней только начали встречаться. Прежде
я находил это очень смешным. Но сейчас с трудом выжал улыбку. Может быть, Ханна права,
пора мне снова научиться смеяться.

– Позвони Уинтер. – Ричи был настойчив.

Как будто это так легко. Я понятия не имел, что скажу, с чего начать.

– Ты часто ее видишь? – спросил я.

– Очень редко. Жизнь – странная штука, знаешь ли.

– Это ты мне говоришь?

– Наши семьи были очень дружны, когда мы были детьми. А сейчас, хотя работаем и
живем в Сиэтле, и мы и она, встречаемся только на свадьбах и похоронах. – Он поморщился,
сожалея о сказанном.

– У меня похожая история со своими кузенами. Каждый занят своими делами и заботами.
Как-то разобзились, и теперь трудно восстановить связи.

– Позвони ей, – снова настойчиво сказал Ричи.

– Что ж, если мы с ней будем говорить о Ханне, может, все не так плохо.

– Но лучше будет... – И Ричи замолчал.

– Что?

– Зайди к ней.

– Домой?

– Нет... в этот ее ресторан. Не помню, как он называется.

– «Французское кафе».

– Да, вспомнил. Не знаю, почему она так его назвала. Наши корни в Англии, а не во
Франции.

– Причина, наверное, в меню. Там подают вкусные круассаны.

– Ты хочешь сказать, что был там?

– С Ханной. Мы ходили несколько раз. Кафе находится на Блоссом-стрит.

– Слушай, старик, да это же недалеко отсюда! Ты можешь зайти вроде как между прочим,
по пути на работу. Если позвонишь, это будет как-то нарочито. А зайти в кафе – это вполне
естественно.

– Ты прав.

– Хочешь, пойду с тобой?

Нет. Не хватало еще, чтобы шурин держал меня за руку на первом свидании. Если получится, хорошо. А нет – так и не надо.

Мы приняли душ, переоделись и отправились на работу. Ричи – мануальный терапевт. Его офис находится к северу от центра, а мой здесь, на улице, которая выходит на Пятую. Блоссом-стрит в нескольких кварталах отсюда. Недалеко от Пилл-Хилл, где стоит шведский госпиталь и несколько других медицинских учреждений.

Мы расстались, и я быстрым шагом направился к кафе. Мой офис открывается в восемь, времени оставалось немного, а мне хотелось поскорее развязаться с этим делом. «Французское кафе» я увидел, едва завернув за угол Блоссом-стрит. Народ входил и выходил, по утрам кафе делало неплохую выручку. Ханна порадовалась бы за кузину. Мне нравилось это место, с полосатым навесом и столиками на улице. Уверен, что их не было, когда заходили мы с Ханной. К прилавку выстроилась очередь примерно в десять человек, я присоединился. Заметил, что обслуживают один кассир и одна официантка за прилавком. Нетерпеливо взглянул на часы – времени оставалось мало, но и уходить ни с чем не хотелось. За стеклянным прилавком был представлен большой выбор выпечки – от круассанов до пончиков и сладких булочек с изюмом и фруктами. Остановил выбор на латте с круассаном. Впрочем, мои мысли были не о завтраке. Когда наконец подошла моя очередь, у меня слегка кружилась голова и подташнивало от волнения.

– Кофе и круассан, – заказал я. Так будет быстрее.

– Кофе большой?

– Средний.

– Оставить место для сливок?

– Я пью черный.

Доставая бумажник и чувствуя, как участился пульс, спросил:

– Кажется, Уинтер сейчас нет? – В горле у меня так пересохло, что я с трудом выговаривал слова.

Официантка взглянула на меня.

– Минутку, я сейчас узнаю.

Я видел, что очередь за мной недовольна задержкой, и отошел от прилавка к кассе, пока девушка отсутствовала. Она быстро вернулась и покачала головой:

– Еще не пришла.

– О! – Прозвучало глупо. Даже я понял это.

– Хотите оставить для нее записку?

– О... да. Пожалуй.

Она протянула мне блокнот и ручку. Я взял и вместе с кофе и круассаном пошел к свободному столику. Пока я решал, что написать, кофе остыл. Я уже опоздал на работу. От усилия придумать хоть что-нибудь я взмок. Как бессмысленно! Мне нечего написать этой женщине. Дурак я, послушал Ричи. Рассердившись на себя, я вернулся к прилавку и протянул обратно пустой блокнот.

– Просто скажите Уинтер, что утром заходил доктор Майкл Эверетт.

– Обязательно, – дружелюбно улыбнулась девушка.

– Спасибо, – промямлил я, выбросил смятые салфетки в мусорную корзину и вышел из кафе, от души надеясь, что не столкнусь с Уинтер на Блоссом-стрит.

Жалея о потерянном времени, я пошел в офис. Мы держали клинику втроем; два моих партнера, Патрик О'Мэлли и Иветт Шор, как и я, имели каждый свой офис и медсестру. Моя – Линда Барклей – работала со мной с самого начала. Остальной штат был общим – секретарь в приемной, еще два служащих, они занимались заполнениями различных форм, страховками и прочим.

Линда сделала вид, что не заметила моего опоздания, за что я был ей благодарен. Хотя по ее озабоченному виду можно было догадаться, что она беспокоилась. Я так давно не опаздывал, что причина могла быть только исключительной важности. Надев белый халат, я направился по коридору в один из кабинетов для обследований, где меня уже ждал первый пациент. Усилив воли отогнал все мысли о кухне Ханны и сосредоточился на работе. В этот день не было никаких экстраординарных случаев: несколько вакцинаций, плановых осмотров и один пациент с ангиной.

После приема я прошел в свой кабинет и сделал несколько важных звонков, как обычно делал во второй половине дня. Потом занялся предписаниями, которые требовали обновления, просмотрел результаты анализов и еще проделал много дел, требующих моего внимания. Я часто оставался на работе еще два-три часа после того, как остальные покинут офис. Но поскольку у меня не было причин спешить домой, это меня не волновало. Спокойная рутина обычного рабочего расписания успокаивала и отвлекала от тяжелых мыслей о пустом доме.

Несколько розовых листочков были аккуратно прикреплены к моему столу. Я отложил их в сторону, решив просмотреть по окончании работы.

Был уже седьмой час, когда я занялся ими. На последнем аккуратным почерком Линды было написано: «Звонила Уинтер Адамс. По личному делу». И внизу был указан телефонный номер.

Глава 4

Мэйси Роз лихорадочно рылась в вещах, раскиданных по всей спальне. Должна же быть где-то мексиканская юбка с оборками! Надо наконец прибраться. Двигаясь по комнате в поисках белой юбки, Мэйси в который раз давала себе слово, что обязательно займется этим. На голом матрасе широкой кровати было стопкой сложено чистое постельное белье, еще теплое после сушилки. Придется заправить постель уже вечером, вот только Мэйси не была уверена, когда вернется домой. Убирать постель она терпеть не могла – зачем делать это по утрам, если вечером все равно туда ложиться! То же и с посудой. Но выхода нет, домашние дела накапливаются, и она не успевает с ними справляться.

– Снежок! – прикрикнула она, когда длинношерстный белый кот прыгнул на кровать и устроился на стопке чистого белья. Растянулся, щурясь от удовольствия, показывая всем видом, как приятно лежать на теплом и чистом. – Немедленно слезай!

Кот, как обычно, проигнорировал хозяйку. Он слушался ее только в тех случаях, когда его звали есть. В это время появились Мирна и Душка. Они присоединились к Снежку и стали кататься по кровати, сминая при этом сложенные чистые наволочки.

– Брысь отсюда!

И опять ее проигнорировали.

Если бы она не спешила, обязательно поиграла бы со своими любимцами.

– Неблагодарные животные...

В это время прозвенел таймер. В духовке запеканка!

Мэйси совсем о ней забыла. Она бросилась на кухню, надела перчатки для духовки и вытащила запеканку. Приготовленная по новому рецепту, та дивно пахла. Выключив духовку, Мэйси устремилась на веранду в задней части дома, где на полу в кучу была свалена грязная одежда, ожидающая стирку. Надо, надо найти время и как-нибудь привести дом в порядок. Как только появится свободное время. Такие обещания она давала себе не в первый раз. Вот только до наведения порядка руки не доходили. Главное сейчас – отыскать юбку. Потом отнеси запеканку Харви. И срочно мчаться на студию звукозаписи.

И нельзя опаздывать. Она рискует потерять работу. Наконец юбка нашлась. Мэйси расправила ее в руках, оглядела и решила, что сойдет. Вполне можно надеть разок. Натянула юбку и дополнила наряд пестрой блузкой. По пути в спальню заглянула в зеркало, висевшее в ванной. Озабоченно хмурясь на свое отражение, торопливо пригладила щеткой кудрявые рыжие волосы, заколола прядь с левой стороны над ухом заколкой. Пора сделать стрижку. Но пока не заплатят за рекламу на радио, придется подождать. Ей просто нельзя, ну совсем нельзя опаздывать!

На прошлой неделе, когда она в очередной раз на несколько минут опоздала, режиссер был очень строг. У нее была уважительная причина, но мистера Шермана это не интересовало. Он заявил, что, если она еще раз опоздает, они найдут ей замену. Не захотел слушать ее объяснения, а она возила к ветеринару Снежка. Ни в коем случае она не должна потерять эту работу, она просто идеально ей подходит. Мэйси всегда говорили, что ее голос мелодичен, и уже давали читать несколько реклам на этой радиостанции. Да и платили неплохо. Ей всегда доставляло удовольствие слышать потом свой голос; последний раз она расхваливала достоинства препарата от геморроя, цены на него были снижены местной фармацевтической компанией...

Ни в коем случае нельзя опаздывать, где еще она найдет такую работу?

Бабушка всегда говорила ей, что неприлично выходить из дому не накрасив губы, поэтому перед зеркалом Мэйси быстренько мазнула по губам помадой и добавила золотистые тени, подчеркнувшие зеленый цвет глаз. Бабушка была бы довольна. С этой мыслью она всунула ноги в туфли без каблучков.

– Я отнесу запеканку Харви, – доложила она своим питомцам, которые, спрыгнув с постели, сгрудились у ног хозяйки. – Постерегите дом, пока меня не будет.

Подхватив перчатками горячую сковородку с запеканкой, девушка сбежала с крыльца, удачно обогнув стоявший внизу велосипед, пересекла лужайку и оказалась у дверей соседнего дома.

Ветеран Второй мировой, он был соседом бабушки Мэйси более сорока лет. И хотя старик не хотел этого признавать, они были очень привязаны друг к другу, «были милы друг с другом», как любила выражаться бабушка.

Входная дверь оказалась открытой, и Мэйси с порога окликнула старика. Вообще-то она не утруждала себя формальностями, такими как звонок в дверь или предупреждение о приходе, но сейчас руки были заняты, она не могла отодвинуть стеклянную дверь.

– Убирайся отсюда! – раздался из кухни голос Харви.

– Я не могу.

– Почему это?

Мэйси давно поняла, что за суровой внешностью и манерами грубияна скрывается любящее и благодарное сердце. Впрочем, кажется, целью его жизни было не показать этой любви.

– Я принесла тебе обед.

– Еще нет и двенадцати, – ворчливо отозвался он.

– Знаю, но меня не будет дома к обеду! – крикнула она в ответ, пытаясь боком отодвинуть дверь, однако обнаружила, что та заперта. – Ну же, Харви, открой мне дверь.

– Была причина ее запереть.

Харви появился из кухни, не торопясь подошел к двери и отпер ее. Вид у него был крайне недовольный, казалось, он совсем не рад Мэйси.

– У меня есть более важные дела, чем открывать двери.

– Разумеется.

Проскользнув мимо него на кухню, она увидела на кухонном столе газету с наполовину разгаданным кроссвордом. Каждый день он прочитывал газету от начала до конца.

Мэйси поставила на плиту сковородку и сняла перчатки.

– Что это? – Лицо его изобразило отвращение.

– Еда.

– Не умничай, девчонка.

Мэйси довольно ухмыльнулась.

– Новый рецепт.

– Значит, я – подопытная морская свинка?

– В какой-то степени.

Харви заметно похудел за последнее время. Одежда висела на нем как на вешалке, и у Мэйси это вызывало беспокойство. В восемьдесят шесть он, кажется, начал сдавать. Раньше он работал в саду круглый год и гордился своими цветочными клумбами.

Дважды она стригла траву около его дома. Если он и заметил, то промолчал. Газонокосилка была старой, принадлежала еще бабушке Мэйси, работа требовала усилий. Утешало, что это хорошая замена тренажерного зала, да и экономия наличко.

Мэйси избегала платить по счетам, приходившим регулярно, кроме счетов, грозивших оставить ее без электроэнергии и воды. Поскольку у нее не было постоянной работы, то не было и постоянного дохода. Часто наставали времена, когда приходилось рыться на дне сумок и вытряхивать кошельки в поисках завалившейся мелочи.

– Ой, как вкусно пахнет! – Мэйси открыла крышку и демонстративно вдохнула запах, и по лицу ее разлилось блаженство.

– Что там у тебя? – спросил старик подозрительно.

– Мясо с рисом.

- Какого рода мясо?
- Курица. С каких пор ты стал так разборчив?
- У меня свои стандарты, – настаивал он.

Она улыбнулась – это было правдой. Но его стандарты последнее время стали меняться. Она заметила горку грязной посуды в раковине. Это так не похоже на старика. Обычное явление на ее кухне, но только не у Харви. Он во всем любил порядок, строго следовал своим правилам, а она предпочитала хаос в доме, он ее не смущал, она чувствовала себя уютно и среди беспорядка. Впрочем, «уютно» – слишком сильно сказано, скорее, она привыкла к беспорядку. Когда наконец она соберется привести дом в порядок, она спросит совета у Харви.

– Я не нуждаюсь в твоей заботе, – проворчал он, – у тебя что, нет дел поинтереснее, чем кормить старика?

- Есть, конечно. – Ей надо было срочно ехать на студию, но главное сейчас – Харви.

Даже если бы бабушка не просила ее *приглядеть* за Харви, она сделала бы это по собственной воле.

- Чего ты ждешь? – Он смотрел на нее с недовольным видом.

– Я останусь здесь, пока ты не дашь слово, что попробуешь запеканку, которую я приготовила по новому рецепту.

- Тебе придется долго ждать. Я потерял аппетит еще пять лет назад.
- У меня полно времени, – солгала Мэйси.
- Разве тебе не надо сегодня на работу?
- Надо.
- Опоздаешь.
- И тогда они больше не предложат мне работу.

Сказанное ею было истинной правдой. В мире режиссера Шермана, как он сам не устал повторять, время – деньги.

Харви снова недовольно фыркнул.

- Кажется, ты собираешься поставить мне это в вину.
- Скорее всего, я потеряю работу навсегда. – Она мелодраматически вздохнула.
- Ты всегда можешь продавать свои рисунки. Если наберешься терпения закончить хоть один проект.

Мэйси пожала плечами.

- Сейчас мое искусство мало востребовано на рынке.

Он снова принялся за кроссворд.

Мэйси тяжело вздохнула и решительно уселась напротив старика, приняв скучающую позу.

Он что-то пробормотал себе под нос.

- Кстати, как имя того певца, что так нравился твоей бабушке? Семь букв.
- Барри Манилоу?
- Верно, он. – Старик заполнил клетки кроссворда и немедленно приступил к разгадке следующих слов.

Мэйси снова громко вздохнула, чтобы напомнить о своем присутствии.

- И конечно, будешь потом говорить, что потеряла работу из-за меня.
- Конечно, – печально подтвердила она.
- Это надо съесть все сразу?
- Не будь глупым.
- Это ты глупая. Не понимаю, почему ты не оставишь старика в покое.
- Но, Харви, ты – мой лучший друг.
- Я и еще эти кошки, которых ты подбираешь. Тебе надо завести собаку.
- Я предпочитаю кошек.

И кошки предпочитали ее. Дома у нее жили три. Снежок, Мирна и Душка. Но еще несколько регулярно являлись время от времени за едой. Она не искала их, кошки находили ее.

– Ну же, – Харви помахал рукой, – убирайся отсюда.

– Прости, но не могу, пока не дашь слово.

– Ты такая же, как твоя бабушка.

– Я хуже. Разве не ты мне это говорил много раз?

– Говорил. Вообще, здесь было тихо и мирно, пока по соседству не поселилась твоя бабушка. И мне, как всегда, повезло – она завещала дом тебе. У меня нет покоя вот уже сорок лет!

– Ты любишь меня.

Он станет это отрицать до своего последнего дня, но Мэйси знала, что это так. И бабушку он любил, хотя тоже пытался отрицать.

– Нет, – упрямылся старик, – я тебя терплю. Твоя бабушка нуждалась в друге, а за тобой нужен присмотр, тебе тоже нужен друг. Но не такой, как я.

– Мы нужны друг другу.

Она действительно так считала. Харви был последней ниточкой, связывающей ее с обожаемой бабушкой. И Лотти Роз обожала внучку, ее рыжие кудри, сумбурный характер. Бабушка была ее единственным союзником, когда Мэйси уже начинало казаться, что она одна на всем белом свете. Дом бабушки Лотти был ее убежищем. У Лотти Роз была артистическая натура, и это роднило их. Обе смотрели на мир одинаково, их сближала любовь к животным, к открытиям новых мест, необычных людей. Когда бабушка Лотти умерла два года назад, к всеобщему удивлению, она завещала свой дом Мэйси.

Мэйси немедленно покрасила стены ярко-желтой краской, а ставни – красным. Забор остался белым, пока и только потому, что закончилась краска.

Мэйси всегда выделялась среди сверстников. По бабушкиному мнению, она обладала *свободой духа*. Пока другие дети прилежно занимались музыкой, спортом или танцами, артистизм ее натуры проявлялся свободно и независимо. Она предпочитала часами стоять в музее перед картиной, поглощенная ее красотой и мастерством художника, но не любила изучать технику живописи в классе.

Однажды, в классе шестом, ее вызвали на уроке истории. Вопрос был о Второй мировой, и Мэйси знала ответ. Но, вместо этого, отвлеклась и вдруг начала рассказывать о своей кошке Принцессе, о ее шалостях, о том, как она любит ее рисовать... Скоро весь класс хохотал, а учительница, миссис Мозер, отправила ее объясняться к директору, сказав, что Мэйси сорвала урок. Как говорил с сожалением отец Мэйси, ей для полного счастья всегда будет не хватать какой-нибудь чепухи, вроде пакетика чипсов.

– Ты опоздаешь, – снова напомнил Харви.

– Наверное. – Она притворно зевнула.

– Разве ты не говорила минуту назад, что тебя выгонят за опоздание?

– Ну да. Мистер Шерман обещал.

Харви закрыл глаза и откинул голову назад.

– И когда ты потеряешь свой дом, ты придешь ко мне и попросишься жить в свободной второй спальне?

– А можно? – оживилась Мэйси.

– Нет! – отрезал он.

– Значит, чтобы избежать катастрофы, связанной с моим вселением, ты должен просто пообещать мне съесть эту запеканку.

– Это шантаж.

– Но для твоей же пользы. – Она взглянула на часы. – Ужасно будет терять такую работу. И плюс мои надежды на дальнейшую рекламу на радио.

– Да что же это такое! – Харви бросил на стол ручку. – Ладно. Я съем немного твоей запеканки.

Мэйси с довольной улыбкой встала, обошла стол и поцеловала морщинистую щеку старика.

– Спасибо, Харви.

Он с остервенением потер щеку, как будто стирая ее поцелуй, хмуро глядя в сторону.

А Мэйси, наоборот, излучала полное удовольствие.

– Надо бежать. – Она направилась к двери. – Увидимся позже.

– Не спеши обратно! – крикнул он вслед.

Она усмехнулась. Харви любил ее так же, как любил бабушку Лотти. Она давно поняла, что чем громче он ворчит, тем сильнее его привязанность.

Очутившись снова дома, она схватила сумочку, ключи и бегом направилась к машине. Если удастся попасть в зеленую волну, она опоздает не больше чем на пять минут.

Может быть, мистер Шерман не заметит.

Глава 5

Я больше не пытался увидеть Уинтер, она тоже не позвонила. По правде говоря, я никогда не умел назначать свидания. Легко было только с Ханной, нас после первой же встречи влекло друг к другу, и я любил ее прямооту и честность в отношениях. Такую искренность часто встречаешь у детей и очень редко у взрослых. Одна из причин моего выбора работы педиатром. Наверное, я заработал бы больше денег, работая по другой специальности, но я любил общество детей.

Я уже жалел, что заходил во «Французское кафе». Боялся и не готов был выйти в свет, не хотел усложнять жизнь, и без того нелегкую. Впрочем, розовый листочек с номером телефона продолжал лежать на виду, поддразнивая, и я время от времени поглядывал на него в нерешительности, потеряв тем самым массу рабочего времени.

Самыми тяжелыми были вечера пятницы. Мы с Ханной накануне уикэнда всегда придумывали что-то особенное. Это не значит, что мы шли в дорогой ресторан или танцевать. В первые годы нашего брака мы просто не могли себе это позволить. Но мы всегда были по вечерам вместе, могли взять напрокат фильм, заказать пиццу и, забравшись с ногами на диван, провести замечательный вечер дома. Позже, когда появились деньги, с двумя-тремя другими парами ужинали в ресторане или дома.

Ханна обожала принимать гостей. Готовила она прекрасно, принимала гостей легко и непринужденно, любила порадовать друзей и старалась сделать так, чтобы все чувствовали себя комфортно. Я наслаждался такими вечерами.

Теперь, без Ханны, пятничные вечера стали пустыми и тягостными. И я начал добровольно дежурить в городской клинике Сиэтла. Прибывал туда в шесть вечера, работал до девяти и добирался домой выжатым как лимон, что не только позволяло мне забывать об одиночестве, но и помогало уснуть.

К тому же я был уверен, что Ханна одобрила бы мою благотворительность.

Я сидел за столом, а розовый листок не давал мне покоя. На его месте мог бы пульсировать неоновый источник света, с такой частотой мой взгляд падал на него. Как будто сама Ханна напоминала мне о своей последней просьбе – позвонить этим трем женщинам.

– О, ладно. Ладно. – Я схватил розовый листок и посмотрел вверх, на потолок. – Надеюсь, ты счастлива.

Я уже упоминал, что часто разговариваю с Ханной. Это был мой секрет, наш секрет – ее и мой. Никому, никогда не говорил об этом, даже Ричи. Уверен, он стал бы убеждать меня прекратить общение с мертвой женой. Опять пошли бы разговоры, что надо *продолжать жить* и смириться со смертью Ханны. Я и смирился, вот только не мог перестать разговаривать с ней, потому что это успокаивало и утешало меня. В такой момент я чувствовал ее рядом.

Вздыхнув, я снял телефонную трубку, еще не зная, что скажу Уинтер. Она мне не звонила больше, наверняка по той же причине – чувствовала неловкость.

Я сделал выдох, когда зазвучали сигналы вызова, и закрыл глаза, полагаясь на прилив вдохновения.

– «Французское кафе», – раздался в трубке приятный женский голос.

– О, привет, – выдавил я с трудом, – это доктор Майкл Эверетт. Могу я поговорить с Уинтер?

– Привет, это Аликс. Уинтер предупредила, что вы будете звонить.

Звучало обнадеживающе.

– К сожалению, ее сейчас нет в кафе.

– О!

Итак, я получаю вторую отсрочку. Что ж, Ханна должна быть удовлетворена – я честно старался выполнить ее просьбу.

– Уинтер просила дать вам номер ее мобильного телефона.

Я стиснул зубы. Никакой отсрочки не будет. Мне потребовалось три дня, чтобы откликнуться на ее звонок, а теперь дело затянется надолго.

– Очень хорошо. Дайте ее номер.

Аликс продиктовала. Я записал и повторил:

– Верно?

– Все верно. И Уинтер очень надеется, что вы позвоните. Она хочет поговорить.

Ну вот, теперь уже не отвертеться. Уинтер ждет звонка.

– Я позвоню ей прямо сейчас, – пообещал я и повесил трубку.

Я понимал, что, если не позвоню немедленно, листок с номером телефона пролежит на моем столе еще неделю. И с каждым днем позвонить будет все труднее. Я откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и стал обдумывать ситуацию. Я могу позвонить Уинтер прямо сейчас, как пообещал, но это означает, что надо действовать быстро. Потому что через десять минут я должен ехать в клинику.

Впрочем, за это время можно успеть о многом поговорить.

Несколько фраз не займут и двух минут, я спрошу, как она, она ответит, что хорошо, и спросит обо мне. Я солгу, что со мной все в порядке. Еще могу спросить, как идут дела в кафе. Я не собирался упоминать о письме Ханны. Ну, положим, я могу спросить о ее здоровье. Еще минута. Я должен буду все-таки объяснить причину своей настойчивости. После получения письма в моем настроении не произошло никаких перемен. Горькая правда была в том, что я не собирался жениться снова, даже под давлением обстоятельств, и не предполагал, что в будущем захочу этого. Наоборот, был возмущен до глубины души, что меня подталкивают и оказывают давление. Единственной женщиной на земле, ради которой я мог пойти на это сумасшествие, была моя Ханна.

Пока я размышлял, мои десять минут истекли. Теперь уже звонить поздно. Испытывая неимоверное облегчение, я покинул офис и направился в клинику.

Перед пятиэтажным кирпичным зданием клиники была бесплатная парковка. Пару машин дежуривших здесь по доброй воле докторов уже разбили вдребезги, и я предпочел отыскать место на улице. Низкий доход и высокая преступность идут рука об руку. Мало того что я работал бесплатно, но еще и подвергал риску свою безопасность и свой автомобиль.

Приемная городской центральной клиники была забита ожидающими приема. Врачи-добровольцы разбирались с очередностью оказания помощи исходя из серьезности случая. Они старались направлять ко мне детей, но я принимал и взрослых. Первой пациенткой была женщина по имени Шамика Уилсон. Глаз у нее заплыл от громадного кровоподтека, но она явилась сюда, потому что боялась, что у нее сломана рука. Я просмотрел ее карту. Женщина приписывала свои увечья падению с лестницы. Причем это происходило уже третий раз. Каждый раз одна и та же причина.

Молодая женщина упорно не смотрела на меня, когда я начал задавать вопросы.

– Вы упали с лестницы?

Она кивнула.

Похоже, она часто так делает.

– Когда... произошел несчастный случай?

– В среду вечером.

Прошло два дня.

– Почему так долго ждали, прежде чем прийти сюда?

Как только она вытерпела так долго!

Шамика устала в пол.

– Я думала... пройдет, но болит все сильнее.

Она вскрикнула от боли, когда я всего лишь дотронулся до ее пальцев, а судя по распухшей руке, можно было вообразить, какие муки она испытывала последние два дня.

– Я назначу вам рентгеновский снимок.

Закусив губу, она кивнула. Она хорошо знала, как и я, что техник должен будет повернуть ее руку, чтобы сделать снимок. Но надо выяснить, что с рукой, прежде чем предпринять действия.

– Кто-то привел вас сюда?

– Мой... муж.

– Он сейчас в приемной?

Мне трудно было скрыть свою злость на этого подонка. Впрочем, это мог быть кто-то другой. Молодая женщина поняла, что не одурачила меня историей падения со ступенек, и, говоря о муже, прятала глаза – еще один знак, что она лжет. Какой-нибудь неудачник использует жену вместо тренировочной груши, вымещая свою злость на весь белый свет.

– Он сейчас в холле?

– Да... Кенни ждет меня. – Она продолжала смотреть куда угодно, только не на меня.

– Увидимся позже.

– Выйдя из комнаты, я попросил одного из медбратьев сопровождать Шамику в рентгеновский кабинет. Потом направился в холл и стал выяснять, кто из ожидающих пришел с Шамикой Уилсон.

Вперед вышел тощий жилистый мужчина.

– Как там Шамика? – спросил он.

Прежде чем ответить, я молча долго смотрел ему прямо в глаза.

– Я послал ее на рентген, но уверен, что рука сломана и понадобится гипс.

Он вздохнул.

– И как долго это продлится?

– Пока не знаю. Сначала надо посмотреть снимок. Шамика утверждает, что упала с лестницы. Я нахожу это странным, ведь она падала с лестницы уже три раза за последние несколько месяцев.

Он пожал плечами:

– Что я могу сказать? Эта сука неповоротлива.

Если бы он не обругал ее, может, я бы смолчал и не стал вмешиваться. Меня охватила ярость.

– А теперь послушай меня, Кенни. Мы оба знаем, что это не несчастный случай, верно? Все это ложь. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, что у тебя есть жена?

Были ли они на самом деле женаты – не имело значения, но подозреваю, что нет.

Глаза Кенни вызывающе сузились. Он явно не собирался раскаиваться, и это было мне только на руку.

– Она хорошая женщина. Как ты смеешь с ней так обращаться? – процедил я сквозь зубы. – Тебе доставляет удовольствие бить женщину?

Он не отвечал.

Все вокруг смолкли и внимательно слушали, это и было моей целью – привлечь аудиторию.

– Она это заслужила. Имела наглость раскрыть на меня рот.

– Ну все, хватит! – Я схватил его за ворот, приподнял, так что его ноги почти не касались пола и он вынужден был стоять на цыпочках.

Я понимал, что за такой поступок меня могут запросто выгнать из клиники, но в тот момент мне было все равно. Я и сам не ожидал от себя столь бурной реакции. У него *была*

жена, а он обращался с ней плохо, в то время как я, лишенный Ханны, сделал бы все, чтобы вернуть ее.

– Ты ничтожество, – слова были как плевок, – еще раз ударишь ее – и будешь иметь дело со мной. Тебе все ясно? – Я чеканил каждое слово, чтобы до него дошло, что я не шучу.

Он делал попытки вырваться, но я держал крепко.

– Так мы поняли друг друга? – С этими словами я припечатал его к стене.

Он пытался кивнуть, но это было нелегко, потому что я так скрутил ворот его рубашки в кулаке, что он с трудом мог дышать.

– Отлично.

Его лицо было так близко от моего, что наши носы почти касались.

– Доктор Эверетт, доктор Эверетт! – Директор клиники, Мими Джонсон, положив руку мне на плечо, вынуждена была несколько раз повторить мое имя, прежде чем я услышал ее.

Я не знал, сколько времени она находится рядом.

Неохотно выпустив воротник Кенни из своего кулака, я не сводил с него взгляда, давая понять, что я не шутил и не отступлю. Кажется, он струсил и мечтал об одном – смыться отсюда, оказаться подальше от меня.

Освободившись из тисков, он поднес к шее руку с таким видом, как будто его чуть не задушили. Если снова побьет Шамику, он поплатится. Сомневаюсь, что она подаст на него заявление в полицию. Я часто сталкивался с подобной ситуацией, такие мерзавцы редко несут заслуженное наказание.

Я не агрессивен по натуре, но сейчас был доведен до точки кипения. Надо, чтобы он не только был напуган и унижен, надо, чтобы он понял, что, если еще раз он поднимет руку на жену, я заявлю на него. Впрочем, если она не подтвердит обвинение, все будет тщетно.

Кенни, еще раз метнув на меня настороженный взгляд, выбежал вон, хлопнув за собой дверью. Мими тут же попросила зайти к ней в офис. Я слушал и покорно кивал в подходящих местах. Моя работа заключается не в том, чтобы судить людей, а в том, чтобы лечить их – и больных, и раненых. А с домашним насилием пусть разбираются власти. Кому это положено. И это не моя собственная клиника, чтобы вести себя как мне угодно.

– Ты понял? – Мими выдохлась.

– Да. Но я не мог бы гарантировать, что такое не повторится.

– Если еще раз ты проявишь подобную агрессию, встанет вопрос о твоей работе в клинике.

Я промолчал.

– Ты хочешь уйти? Надо искать замену?

– Я исправлюсь. – Это прозвучало по-детски.

– Хорошо. – Она с облегчением вздохнула.

Я закончил дежурство и ушел, избегая разговоров с коллегами и с Мими. Отъезжая от клиники, я сам был потрясен своим поступком. Ни разу в жизни я еще не проявлял такую несдержанность. Настало время уходить. Мими это поняла, и я тоже. В понедельник напишу заявление об уходе.

Войдя в дом, я бросил ключи на стол, уселся на софе и обратился к Ханне: «Я потерял эту работу. Только что. Но не жалею, потому что этот подонок заслужил трепку, которую я ему задал. А должен был лечить и помогать травмированным людям, а не вмешиваться в их личную жизнь».

Обычно я покупал себе что-нибудь на ужин по дороге из клиники домой. На этот раз совершенно забыл о еде, хотя не ел ничего после полудня, и мой желудок протестовал громким урчанием.

Подогрев себе консервированный суп, съел прямо над раковиной. Потом постоял, чувствуя, как напряжен. Стресс не проходил.

«Я не могу так больше», – сказал я Ханне.

Мне нужна сейчас она, я безумно скучаю по ней. Ханна была бы в ужасе от истории с избиением Шамики, но нисколько не осудила бы меня за выволочку, которую я устроил этому ублюдку Кенни. Она нашла бы сейчас слова утешения, которые помогли бы мне успокоиться. Но ее не было. И никогда больше не будет. Мне придется самому справляться с ситуациями подобными сегодняшней. Конечно, я действовал неумно и уже сожалел о своем срыве, но в глубине души был доволен, что наказал и запугал этого любителя бить женщин.

Только к полуночи я немного успокоился и лег спать, но уснуть не мог. Долго ворочался с боку на бок на смятых простынях, потом решил почитать. Но и это не помогло, тогда в отчаянии я взял фото Ханны – одно из моих любимых, – она шла по большому полю среди зарослей диких цветов. Я снял ее в одну из наших поездок в выходной, несколько лет назад. Фотография всегда стояла на столике около кровати. Я положил ее рядом, на соседнюю подушку. Это помогло, и немного погодя я заснул.

Проснулся от яркого дневного света, долго лежал, глядя в потолок и вспоминая события вчерашнего вечера. Потом повернул голову, чтобы взять фото Ханны и вернуть его на столик, но, к моему удивлению, на подушке ничего не было.

Я сел и огляделся. Через несколько минут сообразил, что, вероятно, ворочаясь во сне, случайно сбросил фотографию на пол. Она действительно оказалась на полу. Поднимая ее, я увидел, что стекло разбилось, а рамка треснула.

Глава 6

Три раза в неделю я посещаю тренажерный зал, а по субботам обычно бегаю. И сегодня, вернувшись после пятимильной пробежки, я встал под душ, подставив спину упругим струям. Мысли упорно возвращались к фотографии в разбившейся рамке. Она так и стояла у меня перед глазами.

Может быть, это знак, что Ханна недовольна, что я не выполнил ее последнюю просьбу? Расстроилась, что эта просьба кажется мне нелепой? Ведь рамка действительно разбилась. Почему именно теперь, хотел бы я знать, ведь я оставлял ее рядом с собой на пустой подушке бесчисленное количество раз.

Я не считаю себя суеверным, верю в достижения наук и рациональное мышление. Но сейчас не мог не задуматься. Какая-то сила вчера подталкивала, заставляла меня звонить Уинтер. Вот и сейчас я собираюсь это сделать. Подождав до половины десятого, я набрал номер. Она ответила после второго звонка:

– Слушаю.

– Привет, Уинтер, это Майкл. – Напрасно я надеялся, что включится автоответчик и я смогу избежать разговора, увы...

– Майкл! Как я рада слышать твой голос. Как ты поживаешь? Нет, не отвечай, я знаю ответ. И все понимаю.

– Знаешь?

– Ты скучаешь по Ханне. О, Майкл, я тоже!

Итак, я был прав – Ханна станет темой нашего разговора в первую очередь.

– Не могу поверить, что прошел год, – продолжала она.

– Да, не верится, – пробормотал я. Хотя для меня время тянулось нестерпимо медленно.

– Мне сказали, что ты заходил в кафе, жаль, что меня не было на месте, надеюсь, ты еще зайдешь.

– Конечно.

– А не хочешь сейчас?

– Сейчас? – тупо повторил я.

– Конечно, если у тебя нет других планов. Мы могли бы выпить кофе и немного поговорить.

Может быть, так и лучше – покончить с этим сразу. Я выполню свой долг перед Ханной и снова вернусь тосковать по ней. Тогда она не сможет меня винить, что я не пытался.

– Буду через пятнадцать минут.

– Замечательно. Какой кофе ты пьешь?

– Черный.

– Сейчас поставлю сварить свежий. Как раз будет готов к твоему приходу. Любишь круасаны?

– Обожаю.

– Прекрасно. До встречи.

– Пока.

Повесив трубку, я долго сидел, осмысливая, что сейчас произошло. Всю неделю я беспокоился, что скажу Уинтер, но, как оказалось, совершенно напрасно – наш диалог мало зависел от меня. Уинтер явно была обрадована моим звонком, даже взволнована, хотя мы не виделись с ней уже год.

И вдруг меня как током ударило. Что, если Ханна написала этим трем женщинам, оставила письма и для них? Раньше такая мысль не приходила мне в голову, а сейчас показалась вполне реальной. Несколько минут я сидел, стараясь успокоиться, а когда пульс пришел в

норму, составил план действий. Я попрошу Уинтер о свидании. И осторожно попытаюсь все выяснить. Если Ханна оставила письмо только мне, то Уинтер не надо знать об этом, да и никому другому тоже. Ричи не в счет, он не проболтается.

Я поехал на Блоссом-стрит, дорога заняла минут десять. В центре наблюдалось оживление, открывались магазины. Напротив «Французского кафе», около магазина пряжи, нашлось свободное место, где я и припарковался. Дочь хозяйки магазина была моей пациенткой. Я встречался с Лидией Гетц, ее матерью, несколько раз. Семья недавно удочерила двенадцатилетнюю девочку. Ханна всегда хотела научиться вязать. Собиралась связать одеяльце для ребенка и даже записалась на курсы. Это было как раз перед тем, как у нее обнаружили болезнь. Курсы были забыты. Одеяльце для ребенка!

Я гнал от себя эти мысли. Нельзя впадать в депрессию.

Перейдя улицу, я вошел в кафе и сразу увидел Уинтер.

– Майкл! – Она вышла навстречу из-за прилавка и протянула ко мне руки, а когда я подошел, крепко обняла.

– Здравствуй, Уинтер.

Я стоял в ее объятиях как неживой, уронив руки по сторонам. Потом обнял ее.

Выпустив меня, она улыбнулась:

– Как я рада тебя видеть!

– Я тоже, – и постарался добавить в свой голос немного энтузиазма.

Она была красива, но, как я ни вглядывался, не нашел сходства с Ханной. Уинтер была блондинкой с голубыми глазами, а Ханна – брюнетка с карими. Рост примерно одинаковый. Глядя на милое, оживленное лицо с богатой мимикой, я вспомнил, как оно всегда восхищало Ханну. Но кузины были совсем не похожи.

– Пойдем присядем.

Она провела меня к столику у окна. День был облачный, иначе я предпочел бы сесть снаружи. Внутри было очень уютно, столики с цветастыми скатертями, удобные стулья и теплое освещение.

Пока я усаживался, Уинтер сделала знак молодой беременной женщине за прилавком, и та тут же услужливо принесла две чашки с дымящимся кофе и тарелку с круассанами.

– У тебя здесь очень мило, в прошлый раз, когда я заходил, было много народу.

– Да, дела идут неплохо. Я боялась, что мы прогорим, когда начался экономический спад, но, вопреки ожиданиям, мы были приятно удивлены.

Я считал цены в кафе вполне приемлемыми. Для тех, кто работал неподалеку, было удобно забежать сюда на чашку кофе по дороге в офис.

– И сколько часов вы работаете?

– Мы открываемся рано. Аликс, – она кивнула на женщину, которая принесла нам кофе, – приходит около пяти и занимается выпечкой, потом приходит Мэри, в шесть, и начинает обслуживать первых посетителей. У нас в основном постоянные клиенты.

Я понимающе кивнул.

– Потом поток немного стихает, и снова наступает оживление ко времени ланча. У нас в меню суп, салат и сэндвичи.

Меню дня можно было увидеть около входа, написанное мелом на черной доске.

Сегодня там значился свекольный суп с имбирем и салат из шпината с голубым сыром и сушеной клюквой. Живописно и изобретательно.

– Мы открыты до девяти тридцати.

– Значит, и обеды тоже.

– Меню для вечера то же, что и для ланча, – объяснила она. – Вначале я не предполагала, что будут посетители вечером, но ошиблась. В основном приходят люди, живущие по соседству.

– Что ж, прекрасно.

Я огляделся, оценивая обстановку. На стенах картины с изображением Эйфелевой башни, берегов Сены и других достопримечательностей Франции. Уютно и мило.

– Мне пришлось много работать, чтобы добиться успеха. – Голос Уинтер дрогнул от гордости. – Ханна очень помогла мне, всегда советовала, поддерживала... – Она замолчала.

Я уткнулся взглядом в свой кофе.

– Да, трудно поверить, что прошел год.

– Это так. – Она постепенно успокаивалась.

Я задержал дыхание. Настал момент.

– Начал тут разбирать ее вещи, – это была наглая ложь, – и подумал, что, может быть, ты захочешь взять что-нибудь на память.

Глаза ее увлажнились, наполнились слезами, она приложила руку к сердцу.

– О, Майкл, какая чуткость с твоей стороны.

– Ханна часто говорила о тебе, ты была ее любимой кузиной.

Казалось, Уинтер сейчас расплечется. Я всегда боялся чужих эмоций и после смерти Ханны часто выступал в роли утешителя. Но нелегко утешать, когда своя боль так невыносима.

– Может быть, что-то особенное, чем ты дорожила?

– Я дорожила своей кузиной. – Она покачала головой. – И не понимала насколько, пока не потеряла ее.

Я растерянно взял с тарелки круассан, отломил кусочек, но не стал есть. Вдруг испугался, что если мы продолжим воспоминания, то оба впадем в депрессию.

– Не могу вспомнить ничего особенного. На твой выбор – я буду благодарна в любом случае.

– Какая связь у тебя с Францией? – спросил я, меняя тему.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Я ездила туда с Пьером.

– Кто такой Пьер?

– Пьер Дюбуа. Мы... мы встречались какое-то время.

– Вы встретились во Франции? – Я попытался вспомнить, говорила ли Ханна о Пьере. Имя показалось знакомым.

– Нет. Мы встретились здесь, в Штатах. Одно время работали вместе, но это было так давно. – Она слегка понизила голос. – Я летала туда познакомиться с семьей Пьера, и поездка была незабываемой. Мне нравилось там все: люди, еда, культура. Вдохновение от поездки и воспоминания помогли мне открыть это кафе.

Я улыбался, слушая ее восторженную речь. Потом вспомнил, что Ханна рассказывала о романе Уинтер с каким-то французом. Кажется, они вместе работали в одном ресторане. Тот самый парень, который заставил ее страдать.

– Ты, наверное, пытаешься вспомнить Пьера? Сожалею, что никогда не было возможности привести его к вам, на ваши прекрасные званые ужины. С нашим расписанием на работе это было невозможно. Может, это и к лучшему.

Я не знал, как отреагировать, и издал невнятное восклицание.

– Мы с ним расстались. Перерыв в отношениях.

Я не вполне понял, что это значило.

– Перерыв?

– На несколько месяцев, – уточнила она. – Мы и раньше расходились, потом опять сходились, но старые проблемы возникали вновь. Только и делали, что без конца спорили и ругались, – рассказывала она с печальным видом, – некоторые люди не могут жить вместе, как бы сильно их ни тянуло друг к другу. – Она покачала головой, как будто сожалея, что такое случается.

Как я понял, она рассталась с этим парнем, потом они после длительного перерыва сошлись и снова расстались. Очевидно, когда Ханна писала мне свое письмо, это было после первого разрыва их отношений.

– Был кто-то другой... во время вашего... перерыва в отношениях? – Вопрос был бес- тактен и невежлив.

– Ну, такого не случилось, но не было бы проблемой, если бы я захотела.

– А если бы тебя стали уговаривать встретиться с каким-то знакомым, с кем-то вроде меня, например, ты бы прислушалась?

Все, что я хотел выяснить своей бестактностью, – написала ли Ханна ей письмо, в котором уговаривала со мной встречаться.

– Если бы кто-то меня уговаривал? – Она посмотрела на меня с любопытством. – Напри- мер, кто?

– Ну, ты понимаешь... Какой-то друг или... – Я поколебался. – Кто-то из родственников.

– Ты имеешь в виду Ричи?

– Не обязательно.

Получить информацию оказалось труднее, чем я думал.

– Я не нуждаюсь в советах такого рода, Майкл. – Она улыбнулась мне через столик. – Но я всегда была о тебе высокого мнения.

Я поблагодарил с вежливой улыбкой. Я так и не попросил ее о свидании. Во всяком случае, напрямик. Впрочем, кажется, она истолковала мои слова как попытку поухаживать. Я попал в затруднительное положение по своей вине и не знал, как закончить разговор.

С помощью Уинтер мы остановились на том, что она позвонит мне как-нибудь. И через несколько минут я шагнул прочь от кафе, злясь на себя и испытывая большую неловкость. Кажется, я все испортил. Куда теперь? Не найдя альтернативы, остановил свой выбор на Ричи. Подъехав к его дому, я увидел, что дверь в гараж открыта и мой шурин находится там. Увидев меня, он поспешил навстречу.

– Эй, вот так сюрприз! Что случилось?

– Только что пил кофе с Уинтер.

– Значит, вы все-таки встретились.

Мы прошли в гараж. Я прислонился к верстаку.

– А где Стеф и Макс?

– Поехали по магазинам. У Макса позже назначена игра в бейсбол. Я повезу его туда. Хочешь с нами?

Я гордился своим племянником, оттачивал его мастерство в компьютерных играх, с удо- вольствием сражаясь с ним. Счет был в его пользу, но не потому, что я поддавался. Парень был просто ас.

– Буду рад. – Я всегда любил проводить время с ними вместе.

Некоторое время мы молчали.

– Ну, хватит томить меня в неведении. – Ричи в ожидании скрестил на груди руки. – Как прошла встреча с моей кузиной?

Я пожал плечами:

– Нормально.

– Знаешь, я долго думал о содержании письма Ханны.

– И?..

– У сестры были причины поставить первой в списке именно Уинтер.

– Какие?

Хоть я и смирился в душе с просьбой Ханны, но не был уверен, что сделаю то, о чем она просит.

– Ханна знала Уинтер лучше всех и...

– Уинтер влюблена в какого-то француза, – оборвал я, – они встречались довольно длительный период времени. И не понимаю, почему Ханна вообще включила ее в список. Правда, когда она писала свое письмо, Пьер и Уинтер расстались, но все равно...

В любом случае я не желал выслушивать, как мы с Уинтер подходим друг другу, ни от Ричи, ни даже от самой Ханны.

– Значит, она увлечена другим? – Кажется, это охладило его пыл сватовства. – Ты знаешь этого парня?

– Уверен, что Ханна про него рассказывала. И о том, что они порвали отношения. Правда, затем снова сошлись, но это произошло уже после смерти Ханны.

Он молча смотрел на меня, явно ожидая продолжения.

– И второй раз тоже произошел разрыв. Они расстались, но не навсегда. *Временно*, – уточнил я, чтобы он понял разницу.

– Как это понять?

– Откуда я знаю! Вроде того, что она еще думает.

– Давно они расстались?

– Несколько месяцев назад, с ее слов.

– Она не сказала, как далеко они зашли в своем... ну... временном разрыве отношений?

– Нет. Я не спросил ее об этом, как-то в голову не пришло, но она мне обещала позвонить. Ричи кивнул.

– Она объяснила тебе, что в их отношениях с французом возникли серьезные проблемы, – объяснил Ричи с таким видом, как будто имел диплом психолога – знатока женской души.

– Наверное, – согласился я.

– Значит, ты можешь действовать.

– Нет, – ответил я мгновенно, – я так не считаю.

– Почему это?

– Проблемы там или нет, она все еще любит этого Пьера. Но, в конце концов, мы с ней можем поговорить о людях, которых любим. И это не о нас с ней.

– Не сдавайся так быстро. Назначь свидание.

Я усмехнулся смущенно, не зная, рассказывать ли ему, каким я был идиотом.

– Знаешь, кажется, она решила, что я сделаю это, но я так и не решился.

Он склонил голову набок.

– Она явно заинтересована. Ведь она сказала, что позвонит тебе сама. Разве не очевидно?

Мне не казалось это очевидным.

– Слушай, Ричи, как ты думаешь, могла Ханна оставить письма и другим, не только мне?

Мне нужно было знать его мнение. Как брат, он хорошо знал ее... Почти так же хорошо, как я.

Он явно не ожидал такого поворота. Подумав, покачал головой:

– А кто бы их передал, по-твоему?

Он прав. Нет, все-таки было одно письмо.

– Ханна не стала бы обсуждать такие вещи ни с кем. Письмо было одно – тебе.

Я был с ним согласен. Мои встречи с этими женщинами, если они будут, и так нелегки.

– Если Уинтер заинтересовалась, надо встречаться с ней, – настаивал Ричи.

– Не думаю, – твердо сказал я. – Потеря времени для нее и для меня.

– Не будь так уверен. Помни, Ханна поставила ее первой в списке. Значит, была для этого причина.

Я вздохнул.

– Я знаю.

– Она так хотела, Майкл. Ты что, собираешься игнорировать последнюю волю моей сестры?

Ричи нанес удар ниже пояса.

– Я подумаю, – пробормотал я уклончиво, – но мне почему-то кажется, мы с Уинтер никогда не были бы счастливы вместе.

Глава 7

Уинтер была рада видеть Майкла, хотя он ее, мягко говоря, озадачил.

Когда ей сообщили, что муж ее покойной кузины заходил в кафе, она удивилась.

Но не позвонила ему сразу же, потому что не имела понятия, о чем с ним говорить. Ей всегда нравился Майкл, и она ужасно скучала по Ханне. Она дружила с кузиной, они часто встречались, чего нельзя сказать о муже Ханны. К сожалению, работа в кафе по вечерам не давала возможности приходить к ним на замечательные семейные ужины, которые устраивала эта пара и которые так всем нравились. А поскольку она плохо знала Майкла, ситуация складывалась неловкой. Тем не менее нельзя было не позвонить.

– Он просил тебя о свидании? – спросила Аликс, когда Уинтер принесла пустые чашки на кухню.

Она кивнула.

– Ты пойдешь?

– Не знаю, – честно ответила Уинтер.

Она прошла в свой кабинет, закрыла за собой дверь и стала вспоминать разговор с Майклом.

Даже если Майкл и интересуется ею, она принадлежит любимому человеку – Пьеру Дюбуа. Ситуация была сложной, и Уинтер жалела, что ввела Майкла в заблуждение, не объяснившись до конца. Она действительно любила Пьера, а их расставание было временным – оба решили расстаться на три-четыре месяца, чтобы отдохнуть друг от друга и все обдумать.

Она не солгала Майклу, что расставание с Пьером происходит не в первый раз. Короткая передышка, чтобы вдаль друг от друга проанализировать, понять, что не так в их отношениях. Два года назад они уже расставались и думали тогда, что навсегда. Их вечные нескончаемые споры, непонимание привели к тому, что они прожили в разлуке целых пятнадцать месяцев. Уинтер с трудом вынесла одиночество, была несчастлива, понимала, что не может жить без Пьера.

В течение долгих месяцев разлуки она часто виделась с Ханной, дома, потом в госпитале. Майкл был занят на работе, и она подолгу сидела с Ханной и изливала ей душу. Ханна была идеальным, чутким слушателем. Утешала кузину, убеждала снова и снова, что Уинтер обязательно встретит человека, который сделает ее счастливой.

Однажды, незадолго перед смертью Ханны, она столкнулась с Пьером в центре Сиэтла. При виде Пьера сердце у нее бешено заколотилось. Она вставала и ложилась с мыслью о нем, но приложила немало усилий, убеждая себя, что надо жить без него и постараться быть счастливой. Столкнувшись нос к носу, оба растерялись и, обменявшись банальностями, разошлись в разные стороны.

И вдруг встретились снова, в тот же день, в универмаге. Оба отреагировали немного нервно. Пьер пошутил по этому поводу, и они снова разошлись... Для того чтобы встретиться в третий раз на выходе из универмага.

Пьер засмеялся и предложил выпить вместе кофе. Они проговорили три часа. Пьер признался, что никогда не забывал ее. Уинтер призналась, что очень скучала, вспоминала, как по вечерам, после работы, они устраивались рядышком перед телевизором, обсуждая прошедший день – меню и тонкости кулинарного искусства, увлекшись, едва замечали картинку на экране телевизора. У них было общее любимое дело, интересная работа. Но оба были упрямы, и каждый готов был отстаивать в споре свою точку зрения, не уступая ни в чем друг другу. Тогда Уинтер поняла, что может быть жесткой и бескомпромиссной.

Впрочем, не больше чем Пьер!

Неожиданно встретившись в тот день, они решили начать все сначала. Надо постараться быть терпимее друг к другу. В случае успеха можно подумать и о браке. Они ушли из кафе обнявшись.

Но через девять месяцев снова были на грани разрыва. Она просто не понимала, почему так происходит. Ясно было одно: оба несчастны – несчастны вместе и несчастны порознь. И снова пришли к выводу, что на время расстаются. Срок установили небольшой – три месяца. Пьер даже предложил назначить прямо сейчас встречу через условленное время. Тогда и примут окончательное решение. Уинтер не могла дожидаться, зачеркивала дни в календаре каждый день. За это время они не виделись и не созванивались. Первого июля они либо разойдутся навсегда, либо продолжат совместную жизнь. Оба любили, вот только любовь не приносила им счастья.

Пьер и Уинтер впервые встретились, когда она, закончив местную школу кулинаров, пришла на работу в ресторан, где Пьер руководил кухней. Сетевой ресторан морепродуктов обслуживал в основном туристов. Пьера пригласили туда работать после его стажировки во Франции. Его родители тоже были кулинарами, оба решили поехать в Америку на несколько лет поработать, тогда Пьер был еще подростком. Потом они уехали обратно на родину, а Пьер остался, он считал Сиэтл своим домом.

Однажды они с Уинтер после закрытия ресторана сели на веранде с видом на море и проговорили обо всем на свете три часа. Говорили и целовались. Уинтер поделилась мечтой об открытии своего ресторана.

Он одобрил и поддержал ее. Сказал, что поможет с бизнес-планом и в заполнении документов для получения ссуды. Работая над проектом, они скоро стали неразлучны. Пока ждали решения банка, Пьер свозил ее во Францию, как он выразился, *на кулинарные каникулы*, которые включали встречу с его семьей. Уинтер была очарована его родителями, правда, ее французский был ужасен, но, к счастью, они прекрасно говорили по-английски. Ее приняли радушно, с любовью. Она пробовала изумительные блюда, то в ресторане, то приготовленные дома родителями Пьера.

И Пьер был очень доволен, когда она заявила, что назовет свой ресторан «Французское кафе», в честь Пьера и его семьи.

По возвращении в Сиэтл стали жить вместе. Все шло прекрасно, как вдруг, по непонятным причинам, их отношения стали портиться. Теперь они работали в разных местах, их рабочее расписание не совпадало. Часто, вернувшись усталая с работы вечером, она находила силы приготовить для него ужин. Но Пьер не замечал или делал вид, что не замечает ее стараний, она обижалась, не скрывала своего недовольства, он отвечал тем же. Или она рассказывала вечером о своей работе, а он не слушал, сосредоточенный на собственных проблемах. И вскоре они начали ссориться, злиться друг на друга. Каждый обвинял другого. Ссоры становились нормой.

Потом они разругались окончательно и расстались. Прошло больше года. Снова встретились, признали, что виноваты друг перед другом. Время, проведенное в разлуке, пошло на пользу отношениям. Их тянуло друг к другу, и они снова стали жить вместе.

Проблема, по-видимому, заключалась в одинаковости их натуры, оба стремились к совершенству, были перфекционистами, оба не отличались терпением, мгновенно вспыхивали, так что рано или поздно конфликт был неизбежен. Разлука ничего не изменила и ничему не научила. Как они ни старались, как ни демонстрировали решимость спасти отношения любой ценой – ничего не получалось.

На этот раз расстаться предложила Уинтер. А он охотно согласился. Ее ранило его согласие, она страдала. Ведь они любили друг друга. Но эти два человека, любящие друг друга, не могли жить вместе.

Когда он ушел, она даже почувствовала облегчение. Постоянный стресс, лежавший на ее плечах тяжелым грузом, свалился. И было приятно возвращаться домой и знать, что не надо постоянно думать, что сказать и что сделать, чтобы не рассердить его. А можно просто расслабиться и отдохнуть. Она слушала любимую музыку, смотрела программы телевидения, которые ей нравились, и не надо было все время отстаивать свои вкусы и выбор. Готовила и ела что хотела, без едких замечаний и придирок со стороны.

Счастье без Пьера продлилось две недели. И вскоре Уинтер поняла, как пуста ее жизнь без него. Она слышала от общих знакомых, что он сменил работу. Может быть, она не понимала, что его работа полна ответственности, проблем, отсюда и стресс, раздражение. Говорили, теперь он распоряжался кухней отеля «Хилтон». Такая должность была связана с еще большей ответственностью, большим штатом в подчинении, организацией банкетов на огромное количество гостей и меньшей свободой выбора.

Вероятно, материальная выгода была значительной, если Пьер предпринял такой решительный шаг. Ей было обидно, что он не посоветовался с ней, прежде чем поменял работу. Но, напоминала она себе, они заключили соглашение. Никаких контактов.

Уинтер сама предложила такие условия, но втайне надеялась, что он не примет их, станет возражать, как было в первый раз. И не станет строго выполнять их, а постарается с ней встретиться. Он вообще часто не выполнял обещаний. Обещал, что будет готовить ужины, но часто, приходя домой усталым, просто забывал об этом, и готовила она. Даже если она оставляла ему записку с напоминанием. В домашней работе и уборке он тоже пренебрегал своими обязанностями. Если он не мог положить носки на место, то каким образом он мог бы стать хорошим мужем и тем более отцом?

Они договорились не встречаться и не звонить, но то, что он ни разу не сделал даже попытки хотя бы поговорить, делало ее несчастной. Правда, она тоже не звонила, но ведь раньше именно он первым нарушал соглашение, начинал искать примирения после их ссор. Надо признать, поэтому она ждала, что он позвонит.

У него был взрывной темперамент, но, вспыхнув, он тут же отходил и первый подходил поцеловать ее и примириться. Но Уинтер была другой. Она нагревалась постепенно, и ее злость выливалась в постоянное давление, долгую обиду. Она добивалась, чтобы он изменился, чтобы понял ее, а он, вместо выяснения отношений, просто уходил и ждал, пока она не станет *благо-разумной*. Выждав, он делал вид, что ничего не произошло. И так до следующего раза...

С появлением Майкла все вдруг изменилось. Она почувствовала или, скорее, ей показалось, что он заинтересован. Расставаясь, Пьер и Уинтер не предполагали такой ситуации. И вопрос оставался открытым. Так хочет она встречаться с мужем своей покойной кухни или нет? Она не знала, как поступить.

К середине дня она уговорила себя, что надо поговорить с Пьером. Придется первой искать с ним встречи. Причина для этого есть, и еще какая. Хотя в глубине души Уинтер прекрасно понимала, что просто жаждет его увидеть, Майкл тут ни при чем. Последние несколько недель она страдала как никогда, понимала, что не может жить без Пьера.

Она безумно скучала по Пьеру, продолжала любить его, за время разлуки ничего не изменилось. Закрыв глаза, она слышала его голос с легким акцентом, и сердце начинало учащенно биться. Тосковала по его прикосновениям, утреннему поцелую и даже по их ссорам и примирениям. Получалось, что жизнь без него пуста.

Майкл стал причиной, которая давала возможность нарушить соглашение и первой позвонить. Ее гордость не будет уязвлена, она просто поставит его в известность о сложившейся ситуации и оценит силу его любви. И чем больше Уинтер думала об этом, тем больше возрастала ее уверенность.

Она набрала номер его мобильного телефона, но после первого вызова прервала контакт. Ей необходимо видеть Пьера. Одного взгляда будет достаточно, чтобы выяснить, любит ли он еще ее так же, как она его.

Приняв решение, она после ланча позвонила в «Хилтон» и выяснила, что Пьер сегодня работает. Представляла, как появится вдруг на кухне отеля, он поднимет голову и увидит ее. Оставив свои дела, пойдет ей навстречу, его потянет к ней таинственная сила. Тогда она бросится в его объятия, и он скажет, как ему было плохо без нее.

Но сначала она направилась в бутик на Блоссом-стрит, владелицей которого была миссис Фостер, их познакомила Энн-Мари Роше, подруга Аликс, у которой был книжный магазин напротив «Французского кафе». Особо не задумываясь, по вдохновению Уинтер купила классическое маленькое черное платье, элегантное и в то же время сексуальное. Цена была просто заоблачной, но оно стоило каждого цента, так как очень шло ей. Она предстанет перед Пьером, и он сразу поймет, чего лишился, если до сих пор еще не понял.

Переодевшись на работе, она взяла такси и поехала в «Хилтон». Представилась одному из администраторов ресторана:

– Я – Уинтер Адамс, друг Пьера Дюбуа. Доложите ему, что я здесь, наверняка он захочет меня увидеть.

Ее не заставили долго ждать, она едва успела повторить про себя слова, которые должна ему сказать. Администратор вернулся и с улыбкой произнес:

– Шеф Дюбуа примет вас в своем кабинете.

– Благодарю.

Она последовала за какой-то служащей на кухню, размер которой поражал воображение и делал кухню ее кафе мизерной. Она сбилась со счета, пытаясь определить количество работников. Все были заняты у своих мест, работа кипела, ясно было, что Пьер занят сверх нормы и, несомненно, руководство таким штатом даст ему организационный опыт, которого он, по ее мнению, был лишен раньше.

Хватило двух секунд, чтобы понять – она заблуждалась по поводу теплого приема и его организационного опыта. На его рабочем столе царил хаос.

Он встал при ее появлении, но не делал шагов навстречу. Хуже того, его лицо не выразило счастья. На нем была белая форма шеф-повара и колпак, что придавало вполне официальный вид. И никакого проблеска хотя бы простого любопытства: что вдруг привело ее к нему в разгар рабочего дня, после трехнедельного разрыва отношений?

Она растерянно моргнула.

– Здравствуй, Пьер. – Голос ее дрогнул от волнения.

Он, не ответив на приветствие, молча указал на стул напротив своего кресла. Потом, заметив, что на стуле навалены бумаги, каталоги и меню, сгреб всю кучу и положил на край своего стола. Бумаги немедленно стали валиться на пол.

Она нагнулась, чтобы помочь.

– Оставь. – Тон был резкий, он всегда ненавидел ее попытки навести чистоту в комнате. Она выпрямилась и села на стул, пока он поднимал бумаги. Оба молчали.

Наконец он уселся в свое кресло. Кабинет не был большим, но все-таки намного просторнее, чем ее комнатка в кафе.

– Как поживаешь? – Голос ее предательски дрожал.

– Очень занят.

Ясно давал понять, что она должна скорее высказаться и убираться.

– Я думала, ты позвонишь. – Она старалась говорить небрежным тоном, что ей плохо удавалось.

– Мы договорились – никаких контактов. Твое же предложение, насколько я помню.

– Да, это так, – подтвердила она. Что ж, она перейдет прямо к делу, если ему так угодно. – Я не стала бы нарушать соглашение, если бы не возникла важная причина.

Он прищурился.

– Ты беременна?

Она просто ушам не поверила.

– Ты должен лучше знать, чтобы задать подобный вопрос.

– Разве?

– Да.

Она постепенно накалялась. Она принимала противозачаточные таблетки с самого начала и продолжала это делать даже сейчас, непонятно зачем.

– Если ты не беременна, что за важная причина может быть, чтобы отрывать меня в разгар работы, да еще в субботу?

Действительно, у него, должно быть, на сегодня заказаны два-три банкета.

Но тем не менее решила не отступать.

– Случилось нечто такое, что потребовало немедленной встречи и объяснения.

– Разумеется, прошу... – Он не скрывал сарказма.

– Муж моей кузины Ханны...

– Кузины, которая умерла?

– Да. Ее мужа зовут Майкл. Он пришел повидать меня.

– И?... – Он торопил, ему не терпелось поскорее ее выпроводить.

– Он хочет со мной встречаться.

Вот и сказала. Но на его лице не обозначилось никакой реакции, как будто она сообщила, что весна в этом году холоднее, чем прошлая, что необычно для северо-западного побережья.

Он смотрел и молчал, ожидая продолжения.

– Мы никогда не обсуждали такое развитие событий, – напомнила она.

– Какое упущение!

Она решила не реагировать на презрительный тон.

– Ну и что скажешь?

Он пожал плечами:

– Не вижу проблемы.

– Так ты не против? – Она не могла скрыть горечи и разочарования.

– А почему я должен быть против?

– Но... – Ей было тяжело говорить, дыхание перехватило. Как больно ранило проявленное им равнодушие и полное пренебрежение. Она вскочила с места и пошла к двери.

– Уинтер...

– Я думала, мы хоть раз поговорим как цивилизованные люди. – Она с трудом сдерживала теперь свой гнев.

– Ты пришла ко мне после недель тишины, чтобы получить разрешение для встреч с другим мужчиной?

– Я такого не говорила!

– По-моему, ты сказала именно это!

– Хочешь поспорить о семантике?

Как же быстро они вернулись к старому! Несколько минут назад она была полна злости. Сейчас готова была расплакаться от обиды.

– Если хочешь встречаться с другим мужчиной, не впутывай меня.

– Не буду. Знаешь, он доктор.

– Мне какое дело?

– О, для твоего сведения.

– Хватит, Уинтер. Уходи, пока я не сказал слов, о которых потом пожалею.

– Это я жалею, Пьер. Что пришла к тебе. Я не должна была приходить, как и не должна была думать, будто что-то могло измениться за время нашей разлуки. Ничего не изменилось. Я думала, ты любишь меня... Но вижу, что ошибалась.

Она бросилась прочь из его кабинета. Слезы застилали глаза. Не помнила, как оказалась на улице.

Пьер не остановил ее, и это было только к лучшему.

Он был к ней абсолютно равнодушен, и все, что его беспокоило, – не беременна ли она. Да он так же готов стать отцом, как... как человек с Луны!

Она бежала по улице, чувствуя, как кровь шумит в ушах. Задохнувшись, остановилась и, прислонившись к стене, приложила руку к сердцу, пытаясь успокоиться.

Встреча получилась ужасной, хуже, чем она могла вообразить. Ему не нужны три месяца для ответа. Даже трех недель было бы вполне достаточно. Он давно принял решение. И ей, наконец, пора сделать то же.

Все кончено.

Их совместный путь подошел к концу.

И если доктор Майкл Эверетт хочет продолжить встречи и заинтересован в ней, она должна открыть свое сердце для новой возможности в жизни.

Глава 8

Ричи ждал меня в тренажерном зале утром в понедельник. Наша встреча в субботу днем немного подняла мне настроение. Команда Макса выиграла матч, и было приятно болеть за него, сидя на открытой трибуне с другими родителями. Макс почти девять, и он потрясающий ребенок. Вернувшись домой, мы с ним, как всегда, затеяли компьютерный бой и играли, пока Стеф не крикнула снизу, что пора обедать. После обеда мы снова поднялись наверх, нам не терпелось вернуться к сражению. Потом к нам присоединился Ричи, но его мастерство было примерно на моем уровне, поэтому Макс побил нас обоих.

Ханна обожала племянника, Макс всегда был ее любимчиком. Она с удовольствием проводила с ним время, покупала ему книги, водила в кино и часто посещала его игры в Малой лиге. Он тяжело переживал, потеряв свою любимую тетю, но никогда больше не упоминал ее имени. Но я понимал причину. Он бережно хранил о ней память, и я знал это. Однажды Макс привел меня в свою комнату – показать коллекцию бейсбольных билетов, и первое, что я сразу увидел, было фото Ханны. Заметив, что я смотрю на фотографию, он подошел и молча обнял меня. Я обнял его в ответ, слова были не нужны.

– Что слышно от Уинтер? – спросил Ричи, когда мы вышли из зала.

Я напрасно надеялся, что сегодня обойдется. Не тут-то было. Мой шурин не упустит случая расспросить об Уинтер.

– Она оставила мне сообщение в воскресенье.

– И ты не хотел мне говорить.

– Ну, не хотел. – Не было смысла лгать.

– Я так и думал.

Мы шли к паркингу, и я не терял надежды, что он отстанет, скоро мы разъедемся, и на этом расспросы прекратятся.

Впрочем, напрасно.

– И ты не снял трубку, так? – надавил он, видя мое нежелание говорить на эту тему.

Я всегда удивлялся тому, как верно он угадывал мои действия, а иногда даже предсказывал мои поступки. Вот и сейчас – можно было подумать, что он находился в комнате вместе со мной, когда звонила Уинтер.

– Нет, – неохотно подтвердил я.

– Что она сказала?

Я пожал плечами:

– Ничего особенного. Просила перезвонить, когда мне будет удобно.

– Сколько же времени понадобится тебе, чтобы найти удобное для звонка время?

Я понял, что мое упорное нежелание говорить не спасает, и сдался.

– Хотел позвонить сегодня, во второй половине дня.

Но, скорее всего, не позвоню. Мы с Уинтер не подходим друг другу, несмотря на выбор Ханны.

– Смотри у меня, – пригрозил Ричи.

Мне хотелось поскорее от него отделаться, я торопился сесть в свою машину и закрыть тему.

– Как насчет покера в четверг вечером? – спросил он.

Кажется, у него было чутье, он четко знал, когда затормозить.

– У Стива собрание, нам не хватает игрока.

Я покачал головой. Раньше я играл с ними по четвергам и даже, по правде говоря, часто был основным организатором. Компания: Патрик О'Мэлли, мой коллега, Стив Жилетти, тоже врач, специалист-энтеролог, Ричи и я – собиралась раз в неделю. Сначала мы менялись домами.

Потом осели у Ричи, потому что его дом был расположен удобно для всех. Мы никогда не задерживались после полуночи, а ставки были невысоки. Когда заболела Ханна, я бросил игру в покер, как и многое, в чем не было необходимости.

– Нет, не думаю. – Я отказался скорее по привычке.

– Билл замещает тебя уже почти два года. Не пора ли вернуться?

– Может быть, позже.

Я и сам не понимал причины своего упорства. Мне нравилась игра, и я всегда получал удовольствие от встреч с друзьями.

Наконец мы разъехались. Я поехал в госпиталь, сегодня была моя очередь дежурить. Мы работали там по очереди, и эта неделя была моей. Поскольку Ханна долго лежала в этом госпитале, у меня была возможность оценить обстановку с двух точек зрения – точки зрения врача и одновременно родственника, посещающего больного. Можно было написать книгу о своих впечатлениях.

Прибыв в госпиталь, я сразу увидел, что там намечается пикник – большая благотворительная акция, которая проводится каждый год для детей, больных раком. Цель акции – не просто сбор средств, а устройство праздника для маленьких пациентов, которые должны почувствовать себя просто детьми и на время забыть об операциях и химиотерапии. Мы с Ханной много лет помогали проводить пикники, тем более что я вел несколько больных детей в этом отделении. Это событие мы всегда принимали близко к сердцу.

– Майкл!

Я увидел идущего мне навстречу по широкому коридору Патрика О' Мэлли. Я не ожидал его встретить, видимо, Патрик посещал кого-то из своих больных.

– Слушай, это верно, что про тебя говорят?

– О чем ты? – Я не думал, что моя личность является предметом для общественного суждения.

– В пятницу вечером, в клинике.

– А, это! – Было стыдно, что я сорвался и не проявил нужной выдержки. – Не знаю, что на меня нашло, но очень сожалею о случившемся.

– Говорят, ты угрожал жизни какого-то человека.

Мне не хотелось объясняться.

– Его жена, видишь ли, *упала с лестницы*, – и я подчеркнуто показал на пальцах, – три раза за месяц! Понятно, что мерзавец был причастен.

– Она не заявляла на него?

– Нет. И никогда не признается, что он бил ее.

Даже не беря во внимание мое профессиональное чутье, из записей в карте следовало, что ее увечья становятся серьезнее с каждым новым «падением». Шамика рисковала жизнью, оставаясь с этим уродом. И все же я осуждал собственное поведение. Никогда раньше не позволял себе такого.

– Ты поступил так, как мечтает поступить каждый из нас в таких случаях.

– Тем не менее я должен был сдерживать свои эмоции. Не думаю, что в клинике захотят видеть меня вновь.

– Ты шутишь? Думаешь, легко найти добровольных помощников? Они закроют глаза на твой поступок, по крайней мере на этот раз.

Я думал так же, но для себя решил покинуть клинику. Неожиданное проявление агрессии, столь нехарактерное для меня, не давало покоя. Я не сообщил о своем решении Патрику. Он и сам скоро узнает.

– Если говорить о добровольцах, – Патрик указал на постеры, развешанные на стенах, – пикник в следующую субботу.

– Рановато в этом году.

– Да нет. Всегда в мае.

Я не был в прошлом году. Похороны Ханны прошли за две недели до пикника, и мне было тогда не до него.

– Нам нужны люди, как обычно, не хватает помощников.

– Но у меня планы на этот день.

На самом деле никаких планов не было. Просто обычное пассивное нежелание. А ведь до болезни Ханны я любил общественные мероприятия.

– А нельзя изменить твои планы? – спросил Патрик. – Пойми, у нас действительно не хватает людей. Некому заняться играми с детьми.

Я вздохнул.

– Ну, не игры, найдешь другое занятие себе по душе.

Я видел, что Патрик не собирается отступать.

– Может быть, приду.

– Войди в положение. Не разорваться же нам. Люди позарез нужны.

– Как долго я буду там занят? – наконец уступил я.

– Пару часов, не больше.

– Ладно, я подумаю, как изменить свои планы, – продолжал я ломать комедию. Все планы на субботу сводились к утренней пробежке.

– Спасибо, друг. – Он хлопнул меня по спине и поспешно зашагал к своим больным.

Слух о том, что я вызвался помогать на пикнике, распространился со скоростью лесного калифорнийского пожара. Патрик не терял времени зря.

Двое докторов немедленно пришли выразить свое одобрение и поддержку. Неуместное ликование, – по моему мнению, благотворительность не нуждалась в столь громкой огласке.

К тому же это было несправедливо, я не заслуживал похвалы. Всего лишь уступил общественному давлению. Меня вынудили принять участие в пикнике, хотя я и считал его добрым делом. Но, если бы Патрик не надавил на меня и не шантажировал, вряд ли бы я поддался. Поэтому на поздравления я отвечал улыбкой. Не мог же я назвать истинную причину, и, чтобы скорее закончить разговоры, сослался на неотложные дела. Проходя по коридору, заметил двух медсестер, которые, склонив близко головы, о чем-то шушукались. При виде меня у них появилось такое виноватое выражение на лицах, что я сразу понял – они шептались обо мне.

– Доброе утро, доктор Эверетт, – сказала одна, совсем молоденькая, очень энергичная медсестра.

– Доброе утро.

Я прошел мимо. За последний год я получал немало знаков внимания от женского медперсонала. Я был еще молод, на хорошем счету и свободен, теоретически.

Но в душе я был совсем не готов к новой связи. И даже разговор с Уинтер на тему свидания не давал мне покоя.

Возмущало общее мнение, что если прошел год после смерти близкого человека – пора перестать грустить, ведь *жизнь продолжается*. Это выражение меня просто бесило. Значит, чтобы забыть о потере, надо просто подождать триста шестьдесят пять дней. И все. И я должен после этого срока снова стать веселым и жизнерадостным, в знак того, что полностью выздоровел.

– Слышала, что вы придете на пикник, – услышал я сбоку. Оказывается, молоденькая медсестра шла рядом, подстраиваясь под мой шаг.

Я кивнул, не желая продолжать разговор.

– Вся наша смена идет. Замечательная идея. Правда?

Я опять кивнул.

– Увидимся там. – Задохнувшись от собственной смелости, резко свернув, она исчезла в одной из палат.

Я сделал обход. Заполнил все карты, сделал необходимые предписания и вышел из госпиталя. Голова кружилась от всех этих разговоров и внимания к моей особе.

Начало положило письмо Ханны. И вот вмешался Ричи, потом Патрик. Все хотели помочь, но, хотя я и ценил их усилия, не готов был им уступить. Из госпиталя я поехал в свой офис. Линда Барклей подняла голову, когда я появился из двери, предназначенной для персонала.

– Доброе утро, Майкл.

Она единственная называла меня по имени. Женщина средних лет, суррогатная мать, хороший друг.

– Доброе утро, Линда.

Я пошел было к себе, потом вернулся.

– Скажи мне, почему все вокруг считают, что одного года вполне достаточно, чтобы забыть о своей утрате? Что за неписаное правило, откуда оно? – Я не мог успокоиться после разговоров в госпитале.

– Ну...

По ее глазам было заметно, что мой вопрос ее озадачил.

– Я сегодня согласился принять участие в детском пикнике, – успокаиваясь, сообщил я.

– Для тебя это будет полезно. И пора начинать жить.

– И ты, Брут?!

Она рассмеялась.

– Мои родственники уговаривают меня снова начать встречаться с женщинами, – сказал я уже серьезно, Линда поймет все правильно. – Но я не готов.

– Я тоже так считаю.

Ее спокойный тон сразу снял мое раздражение.

– Меня просто подталкивают на свидание с кузиной Ханны.

– С той, что держит ресторан?

Я кивнул, удивленный, что Линда помнит об этом.

– Ты пойдешь?

– Нет.

Ну вот, я и высказал вслух то, о чем все время думал. Решение принято. Отказываюсь подчиняться чужой воле, даже если это воля моей жены.

Я любил Ханну, всегда буду любить ее, но не собираюсь встречаться с Уинтер или кем-то еще только потому, что ей так хотелось. Я сказал правду Линде – я не готов и не знаю, когда буду.

Наверное, потому, что утро началось с давления Ричи, которое потом продолжилось в госпитале, я весь день был не в духе. Не буду отвечать на звонок Уинтер. Она все еще влюблена в своего француза, а я не могу забыть Ханну.

Я вернулся домой вымотанный, усталый и голодный. В холодильнике и на кухонных полках не нашлось ничего, что можно было быстро приготовить или разогреть. Понимаю, что надо избегать готовых продуктов, но сегодня с удовольствием обошелся бы разогретой пиццей. Поход в магазин исключался. Мой ужин состоял из сэндвича с сыром и чашки овсяных хлопьев без молока. Не самый лучший ужин в моей жизни, но желудок я набил. Потом сел за компьютер и ответил на письма.

Я уже отдохнул и немного расслабился, когда зазвонил телефон. Звонок заставил меня вздрогнуть. Он звучал тревожно, как сигнал бедствия.

Идентификатор показал, что звонит Уинтер Адамс. Я тупо смотрел на электронное табло, но не снимал трубку.

К счастью, она не оставила сообщения. Не хотелось быть грубым, невежливым, просто пусть оставят меня в покое. Согласен, я действительно мерзавец, но речь идет о самосохра-

нении. *Я не готов* – рефреном звучало в моей голове, и нельзя было проигнорировать это настойчивое предупреждение.

Глава 9

Что-то случилось? Мэйси Роз посмотрела на Снежка, который, вспрыгнув на закрытую крышку унитаза, внимательно следил за тем, как она чистит зубы.

Был поздний вечер, Мэйси очень устала. Сегодня утром у нее была утомительная фотосессия. Она собиралась с полчаса повязать и лечь спать.

Где-то рядом раздался резкий автомобильный гудок, потом скрежет тормозов.

Она выключила воду, прислушиваясь. И снова гудки, кто-то сигналил теперь непрерывно.

Мэйси с зажатой в зубах щеткой пробежала босиком через гостиную, чтобы узнать, что случилось. Выглянув в окно, Мэйси увидела залитую светом фар большую собаку, замершую прямо посередине проезжей части, парализованную страхом. Хотя Джексон-стрит находилась в спальном районе, движение здесь было довольно интенсивным, даже ночью. Если собака останется на дороге, ее рано или поздно собьют. Необходимо вмешаться. Несмотря на поднятый шум, незаметно было, чтобы кто-нибудь из соседей был обеспокоен происходящим. Открыв входную дверь, Мэйси поспешила к месту происшествия, забыв о том, что на ней только легкая пижама. Зубная щетка все еще была зажата во рту. Схватив собаку за загривок, она стащила ее с проезжей части на тротуар.

Собака была так напугана, что не сопротивлялась. Мэйси втащила ее в дом и закрыла дверь. Это был огромный пес с бурой лохматой шерстью, неопределенной породы. Скорее всего – смесь пород. Он смотрел на нее с выражением, которое могло растопить самое жестокое сердце. Печальные коричневые глаза выражали собачью благодарность. Пес весь еще дрожал, когда она наклонилась его погладить.

Мэйси вытащила наконец изо рта зубную щетку и перехватила голодный собачий взгляд.

– Нет. Это несъедобно. – Она почесала его за ухом.

Он заколотил хвостом.

– Чей ты?

Неудивительно, что на нем не было ошейника, и, скорее всего, нет ни микрочипа, ни тату.

Он выглядел заброшенным, грязная мокрая шерсть свалилась. Наверное, потерялся давно.

– Ты голодный, верно?

Он сел на задние лапы, преданно заглядывая ей в глаза.

– Я поищу что-нибудь для тебя. Но не обольщайся, у меня в основном кошачья еда.

Казалось, пес понимал каждое ее слово и с готовностью потрусил за ней на кухню.

Снежок караулил свою миску. Увидев пса, он выгнул спину и зашипел.

– Прекрати, Снежок. – Мэйси положила руку на голову пса. – А ты не принимай близко к сердцу такой прием. Поверь, ничего личного.

Она достала с полки пакет с кошачьей едой:

– Извини, все, что есть. Надеюсь, тебе нравится лосось.

Пес был так голоден, что буквально слизнул корм. В мгновение ока миска оказалась пуста, и он заглянул ей в глаза, умоляя добавить.

– Бедный мальчик, – прошептала Мэйси.

В это время Душка и Мирна, осторожно ступая, вошли на кухню, чтобы обследовать незнакомца. Снежок явно видел в нем непрошеного гостя и всячески показывал, что не желает иметь с ним ничего общего.

Душка приблизилась к собаке и начала громко мурлыкать. «Он мне нравится, – как будто говорила она. – Можно его у нас оставить?»

– Нет. Он не может остаться, – объяснила ей Мэйси. – Он потерялся, и мы должны найти его хозяина, а если не получится – хороших людей, которые его возьмут.

Мирна присоединилась к Душке, тоже выражая участие.

– И ты туда же! Ладно, сегодня он останется, но только на одну ночь. – Мэйси снова внимательно осмотрела пса и нашла, что он ужасно грязен. – Однако, – заявила она, – если ты остаешься, то надо тебя выкупать.

Она полезла под раковину за шампунем для кошек. Увидев знакомый флакон, кошки сразу бросились врассыпную.

Мэйси засмеялась:

– Я не собираюсь вас мыть.

Душка и Мирна ненавидели мыться, зато Снежок обожал играть с водой, он часто подставлял лапы или язык под струю воды. Мэйси подозревала, что храбрость была показной, он просто хотел поразить воображение подруг. Вряд ли он был в восторге от купания, наверняка помня ту ночь, когда он выбежал на улицу и вернулся весь мокрый и грязный, после чего подвергся второй раз процедуре с тем же противно пахнущим антисептическим шампунем.

Лохматый незнакомец склонил голову набок, прислушиваясь к ее голосу.

– Тебя надо как-то назвать.

Она сама не понимала, почему животные находили путь к ее двери. Началось это еще тогда, когда Мэйси была маленькой девочкой. Они, казалось, чутьем улавливали ее доброжелательное отношение, и она всегда любила играть с ними. Даже мыши и пауки, которые наводили страх на близких и друзей, приводили ее в восхищение. Мэйси не представляла себе дом без домашних животных, тем более не мыслила себя без них.

– Как насчет Сэмми? – предложила она.

Пес улегся на холодный пол кухни и положил голову на лапы.

Она потрепала его по голове:

– Ну вот и прекрасно, Сэмми. Не беспокойся, мы подыщем тебе хороший дом.

Она видела, что пес хорошо воспитан, и гадала про себя, что могло с ним случиться. Просто убежал, когда открыли дверь? Может быть, он жил на ферме в нескольких милях от города? Хуже всего, если хозяева переехали в апартаменты, где не разрешено содержать животных. Она постарается вернуть его хозяину, но в том случае, если тот его разыскивает. Судя по всему, теперь его устройством должна будет заняться она.

– Мы тебя вымоем, и будешь как новенький.

Мэйси решила, что раз он не отверг кошачью еду, то не станет и противиться мытью с кошачьим шампунем.

Она отвела его в ванную и, проходя мимо спальни, услышала шипение Снежка, возлежавшего на кровати. Он недвусмысленно предупреждал, что здесь его территория.

– О, прекрати, Снежок. Ты громко шипишь, но не кусаешься. И будь повежливее, Сэмми – наш гость.

Пес покорно последовал за ней в ванную. Мэйси наполнила теплой водой ванну. Прочитала еще раз рекомендации на бутылке с шампунем. Хорошо, что он предусматривал и избавление от блох.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить Сэмми, что ему необходимо помыться. Когда закончила процедуру, сама была мокрой с головы до пят, а ванная комната напоминала помещение, где пронесся торнадо. Полотенца валялись на полу, на потолке темнели пятна от грязной пены. Расчесать шерсть ей явно было не по силам, и Мэйси, присев на пол с ножницами, сделала что могла с колтунами.

Когда закончила и пес был относительно чист и расчесан, было уже час ночи. Все три кошки давно спали, а хозяйка просто валилась с ног. Сэмми дал ей понять, что оценил ее усилия, и, повернув голову, лизнул в лицо.

– Я бы позволила тебе спать на кровати, но, кажется, это плохая идея из-за Снежка. Она собрала в кучу грязные полотенца.

– Снежок очень ревнив, так что извини.

На кухне она соорудила для него постель из старого одеяла. Сэмми немедленно забрался на него, свернулся клубком и закрыл глаза.

– Спокойной ночи, Сэмми. – Зевнув, Мэйси отправилась спать.

Она сразу провалилась в глубокий сон и проснулась от звонка будильника. Солнце ярко светило в окно, его лучи падали на ее лицо. Кошки, все три, спали на подушках вокруг ее головы.

Снежок прыгнул с кровати и выбежал из комнаты. Наверное, пошел узнать, здесь ли еще Сэмми. Через пару минут раздалось его шипение, и, вернувшись, он недовольным протяжным мяуканьем выразил свое отношение к вечернему гостю.

– Он не останется, – пообещала Мэйси, – он потерялся, понимаешь? Как бы ты себя чувствовал на его месте?

Снежок выгнул в ответ спину, игнорируя вопрос.

– Ладно, очень жаль, что ты так плохо себя ведешь.

Мэйси влезла в белые джинсы, надела оливковый свитер, провела щеткой по волосам. Фотосессия для каталога компании вязаных изделий была назначена на одиннадцать. Реклама на радио ей нравилась больше, но работа модели позволяла иметь деньги на содержание домашних любимцев.

Она выпустила Сэмми во двор, где он сделал свои дела около изгороди. Хорошо, что этого не видел Харви. Когда пес вернулся, она наполнила миски кормом, потом сварила себе кофе и с чашкой в руках вышла на крыльцо, как всегда делала по утрам. Сэмми опять мгновенно уничтожил свой завтрак.

В это время во дворе появился Харви с мотыгой в руках. Мотыгой он расправлялся с сорняками. Она села на ступеньку, с удовольствием вдыхая холодный весенний воздух.

– Доброе утро, Харви! – приветливо крикнула она старому приятелю.

Он сделал вид, что не слышит, продолжая работать. Выдержав с минуту паузу, пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.